

Саша Невская

звезды в твоих рукавах

Саша Невская

Звезды в твоих рукавах

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Н40

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Невская Саша
Н40 Звезды в твоих рукавах / Саша Невская. — [б. м.] : Издательские решения, 2018. — 112 с
ISBN 978-5-4493-4772-5

Она открывает окно и садится на подоконник, свешивая ноги на улицу. В белых руках дымится (не) слишком приторный кофе, приятный утренний аромат разносится по узкой питерской улочке. Пока о босые ноги не бьются волны человеческой жизни, она сжимает в пальчиках песчаные крупицы чужого счастья и продолжает всматриваться в подъезды и окна.

Под ее кроватью рукописные сказки ждут своего часа. Они ждут, когда их в полной темноте будут рассказывать и, затаив дыхание, слушать.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4493-4772-5

© Саша Невская, 2018

пальтошке — чтобы не прекращал любить.

дорогой — чтобы продолжала писать.

мальчику С — чтобы начал мечтать.

«... Потому что в том мире, судя по всему, очень интересно, гораздо интереснее, чем здесь...»

Корнелия Функе,

«Чернильная смерть»

она открывает окно и садится на подоконник, свешивая ноги на улицу. в белых руках дымится (не) слишком приторный кофе, приятный утренний аромат разносится по узкой питерской улочке, поднимая с постелей одиноких романтиков и случайных любовников. она любит смотреть на заспанный город. ей нравится он таким, настоящим, без напыщенности культурной столицы, автомобильных сигналов и оранжевой корки австрийского шницеля. пока о босые ноги не бьются волны человеческой жизни, она сжимает в пальчиках песчаные крупицы чужого счастья и продолжает всматриваться в подъезды и окна. вдруг мелькнет волшебство. на кухне ее уже ждет котик, потираясь мордочкой о пустую миску, в кофейне на углу ее ждут вишневый штрудель с собой и черно-белые фотографии заснеженного невского проспекта с подписанными датами, в парке ее ждет мальчик, прислонившийся к фонарному столбу, который уже начал дергать за лепесточки маленькие бутончики розовых роз, а на небе ее ждет маленькая звездочка, переливаясь алорыжим пламенем и выжидая два часа разницы. под ее кроватью рукописные сказки ждут своего часа. они ждут, когда их в полной темноте будут рассказывать и, затаив дыхание, слушать.

Ковалевская Дарья

сказка о волшебном эликсире. полуночная незнакомка

строчка. ещё строчка. третья, пятая.

беспомощно и отчаянно опираюсь головой о стол, кричу часам «прекратите тикать, сволочи вы беспощадные!» и нервно смеюсь куда-то в ледяную темноту чернильной ноябрьской ночи. в квартире включена лишь одна лампа — лампа над моим письменно-чертежным столом. атмосфера, прямо сказать, действительно очень творческая — и компания суккулентов с кактусами тебе, и куча стареньких затертых фолиантов запаха мускатного ореха и чёрного перца, и корыто крепкого чая с тазиком чёрного кофе по обе стороны рук, и палитра акварели «Ленинград» с гнутыми от сырости подпаленными листами бумаги, и золотистые пылинки, танцующие в темноте под светом искусственных огней. в общем, твори себе, вытворяй — не хочу.

вот и ключевая фраза.
не хочу.

ну, как не хочу. буквы упрямо пляшут от меня страстной сальсой и отчаянно не желают складываться в слова уже которую неделю. не знаю, что вообще хочется. плакать или смеяться. в отпуск или на работу. чай или кофе. последний выбор, решаю я, гораздо весомее остальных и поэтому, зевая, по считалочке выбираю, что же сегодня отнимет мой ночной сон в попытке вернуть выветрившееся в форточку вместе с осенними глупостями вдохновение. видно, потерялось в наступающей зимней кутерь-

ме.
от моих вопросов вселенского масштаба меня отвлекает звонок в дверь. настойчивый такой, почти нервный и чересчур громкий. любопытство быстро перекрывает раздражение — неужели издателям в голову стукнуло у меня взять новые черновики (которых, скажу честно и откровенно, нет) прямо за полчаса до полуночи? ведьма я, что ли? на шабаш захотели?

открываю дверь и с неприлично широко раскрытым ртом гляжу на вошедшую.
гладко зачесанные неровным пробором медно-рыжие волосы, чуть колючий взгляд зеленых глаз и необычайно серьёзное выражение лица. поспешно захлопываю рот. — а вы кто? — дело не в том, кто я. дело в том, вы ли, дорогая, Саша, писательница? — она читает по листочку. легкое чувство гордости охватывает сердце. не зря, оказывается, я на сон и все в общем плюю, раз меня на листочках писать начали.

— она самая, — часто киваю, как птица, приветливо улыбаюсь. с такими необычными клиентами априори стоит быть вежливой. только подумать — меня! для нее! на листочке написали! — чем могу помочь?
зелёные глаза осматривают так пристально, что невольно становится стыдно. за что? да без понятия. хотя бы просто за то, что не сплю ночью, как все нормальные люди. — я слышала, что вы очень необычная и крайне эмоциональная рассказчица. так вот. расскажите мне сказку. похоже, я отучилась контролировать с этой особой движения своей нижней челюсти. незнакомка, видимо, воспринимает моё ошеломленное молчание на свой счёт. во всех смыслах. — конечно, не без щедрой платы за ваш труд, — копается в агрессивно жёлтом рюкзаке и пытается вручить мне три сотни бумажками. я решительно качаю головой в знак отказа. — где вы видели, чтобы вол-

шебникам платили за их магию? рыжая усмехается почти ядовито и совсем скептически. меня снова колет отвратительное чувство стыда. незнакомка без особого приглашения вторгается в сумрачный зал и усаживается в кресло перед кофейным столиком так уверенно и прямо, что я уже начинаю невольно чувствовать, что жилище-то вовсе и не моё. отливаю ей чёрный чай, крепко пахнущий чабрецом и сажусь напротив. рыжая досадливо морщится и попивает напиток медленными, совсем коротенькими глоточками. откашливаюсь и начинаю свой рассказ. конечно, с позволения полуночной незнакомки.

— некогда жил удивительный человек, лучший чародей и алхимик своего темного, злого и тревожного времени, — начинаю я тихо, заговорщицким тоном, чуть наклонившись к столику. в глазах девушки горит интерес. плохо, что я никак не могу сообразить, поддельный ли он или настоящий.
— однажды, благодаря самому ужасному событию в его жизни, этот самый гениальный волшебник обнаружил невероятную вещь — с помощью слёз искренней любви возможно лечить самые глубокие и даже смертельные раны. моя гостья тихо прыскает, деликатно придерживая пальцами кружку. я глубоко вздыхаю и думаю о том, что рассказывать сказки ярым скептикам не стоит. даже если вас в качестве рекомендации написали на листочке. — долгое время он держал это открытие в строжайшем секрете и думал о том, как именно можно объявить об нем во благо человеческого рода. раздумывал действительно долго — прошло немало лет перед тем, как препарат — «настой чистой любви» — не вышел в продажу. сначала он продавался буквально за копейки в самых дешёвых бакалейных лавках и рыночных магазинчиках, где кругом слышались только крики торговцев да звон монет — смешная цена за чудодейственное средство, способное

отвратить смерть — самое грозное, что приходило в те времена очень часто и неожиданно. иронично, правда? вскоре невнимание к кристально-чистому раствору в небольшой стеклянной колбочке окупилось сполна. особый спрос жен рыцарей на этот эликсир вознёс, кажется, самое обыкновенное человеческое свойство — слёзы любви на верхние полки самых элитных шатров известнейших целителей. нередко появлялись и подделки, что автоматически ещё более популяризировало эликсир как в простом народе, так и в кругах высшей знати.

увлекшись рассказом, я улыбаюсь и смотрю на золотистую пыль под «бабушкиным» торшером с оборками и даже не замечаю, что полунасмешливая улыбка исчезла с лица незнакомки, уступив место лёгкой мечтательности и глубокой задумчивости. она внимательно смотрит на меня и качает головой: мол, я с нетерпением жду продолжения.

— конечно, не может быть все настолько просто. чем-то необходимо жертвовать во имя жизни, если мы хотим победить смерть, правильно? чародей пожертвовал во благо людей самым дорогим, что у него было — его сердцем. чтобы помогать своему народу бороться со смертью, он ежедневно вспоминал о своей умершей жене, которую потерял во время жестокой войны много лет назад, тем самым производя лекарство. полноценное производство открыть так и не удалось — разбирая на пробы слёзы добровольцев, желающих помочь с производством препарата, он не нашел ни один образец с нужным соотношением любви и искренности. в них просто не было ни того, ни другого.
со временем от вечной тоски сердце чародея превратилось в одну сплошную кровоточащую рану, которую он

был вынужден прятать под своей длинной рубиновой мантией. он стал совсем редко подниматься с постели и плакал все чаще и чаще, с каждым днём увеличивая производство эликсира. люди же, зная, чем это обусловлено и находясь в вечной эгоистичной погоне лишь за своими нуждами, только радовались.

волшебник умирал изнутри.
люди были счастливы.
замечаю боковым зрением, что незнакомка опустила голову совсем низко, явно погрузившись в тяжёлые раздумья.

— однажды дождливым вечером чародей почувствовал, что его окровавленное и перевязанное миллионами бинтов сердце перестаёт биться. он в отчаянии звал своих помощников, прохожих через окошко, даже прислал срочное письмо правителю своего королевства о своей скорой кончине.

ни один не ответил.
ни один не откликнулся на зов о помощи.

впервые в жизни волшебник понял, что его оружие, направленное на борьбу со смертью, прямо сейчас убивает его. его слезы не действовали на глубокие раны сердца. он понял, что препарат, призывающий любить, рождает лишь равнодушие к проблемам других.
ему оставалось лишь ждать часа своей кончины, терпя адскую боль в груди. когда чародей почти балансировал между жизнью и смертью, он услышал совсем скорый шаг, почти бег в направлении своей тёмной каморки. увидев ту, что пришла к нему сквозь столь долгие и полные мучений годы, он подумал, что милые, ласковые и такие родные ему черты — всего лишь галлюцинации

предсмертной горячки. его любимая жена сидела около него, проливая тихие слезы и целуя его побледневшее лицо. она так боялась не успеть — и вот, и вправду не успела. она добиралась к нему из плена вражеской страны целый год, терпя поражения и неудачи, но упорно стараясь достичь своей цели. неужели все было напрасно? она и не заметила, как с каждой её слезой, падающей на его грудь, он дышит легче. как возвращается здоровый румянец его щек, как стремительно сворачивается кровь на месте почти изорванного сердца. она вернулась к нему, вернув его к жизни. через некоторое время продажа навсегда закончилась, а последние колбы с эликсиром были изъяты. чародей и его жена жили долго и счастливо. и, конечно же, больше не проронили ни слезинки.

незнакомке понадобилось несколько минут, чтобы выйти из некой прострации. она задумчиво протянула мне руку, кивнула, посмотрев на моё серьёзное лицо: — называй меня Дарьей. и в ближайшее время не ложись спать раньше половины двенадцатого.

я лёжу на диване и считаю звезды на потолке.

по комнате разносится аромат крепкого черного чая с чабрецом.

сказка о непокорной принцессе. шошанна

той ночью, после встречи со странной девушкой с желтым рюкзачком, я спала на удивление хорошо, без кошмаров и мыслей длиною от полуночи до рассвета. из раскрытого настежь окна веял даже чуть теплый осенний ветер, пропитанный запахом нагретой земли, подгнивших коричнево — красных гроздей рябины и дешевеньких сигарет с запахом вишни. очевидно, что юной Шошанне[1] из соседней квартиры не спалось из-за постоянного гнета строгих родителей. звали непокорную на самом-то деле Лилен или, более неформально, Лили (семья девчонки приехала из глухой французской провинции в Петербург дабы пристроить пигалицу в просторном гнездышке покойного дяди и, по настоянию небезызвестных уже читателю родителей, выучить ее на экономиста) и была она, скажу я тебе, явно не столь ласкова и мила, каково было ее имя.

я никогда не встречала людей, умеющих настолько искусно менять маски, буквально тасуя их, как игральные карты в руке и выкидывая нужную в самый подходящий момент, срывая джекпоты[2] один за одним. ее личико было на редкость миловидным и ровно на столько же странным и неестественным для юной особы восемнадцати лет — остренькие черты лица, длинный и чуть

[1] — Шошанна — еврейский эквивалент русского имени Лилия.

[2] — джекпот (англ. jacpot — куш, самый крупный выигрыш) — призовой фонд в некоторых слотах, лотереях и прочих азартных играх.

приплюснутый нос, тонкие брови, полное отсутствие румянца, почему-то постоянно дрожащий подбородок и... глаза. «да, ничего удивительного, снова пресловутое описание пресловутых глаз, глубоких, как море и зеленых, как листва», — скажете вы, но я бессовестно прерву. глаза у нее были совершенно особенные. они были огромные, цвета вязкой тины, какие-то округло-рыбьи и чуть навыкате, всегда туманно-задумчивые и чуть сонно прикрытые короткими темными ресницами. они даже не прищуривались, когда Шошанна улыбалась. это наводило какую-то непонятную тревогу в первые секунды знакомства, которая, впрочем, максимально скоро исчезала без следа под натиском душного очарования юной француженки. казалось, что за этой сладенькой внешностью вечно зрел бунт, томилась провокация, кричала и бесновалась революция, но девчонка была удивительно сильна для своих лет — она мужественно сдерживала это внутри, не давая повода даже для малейших подозрений со стороны как близких, так и чужих.

она умела щебетать с родителями, потому что боялась их. она не противилась родительской мечте — ведь Лили, (oui, chérie?)[1] была обязана выучиться на добротного экономиста в какую-нибудь солидную контору и получать хорошенькие пачки хрустящих купюр — и прятала в стол неряшливые карандашные черновики пейзажей, портретов и натюрмортов. она умела заставить любого юношу от любви целовать острые носки ее прелестных светло-голубых лаковых туфелек и была вполне способна избить любого хама, перешедшего границы, до той же позы. умела прелестно печь вишневый пирог со сливками и курить взатяжку сигареты с тем же вкусом.

[1] — с фр. — «да, милая?».

умела с легкой улыбкой не только отпускать лестные комплименты, но и опускать человеческое эго до самого вонючего инферно, которое только возможно представить.

но самое удивительное заключалось не в таком разительном контрасте ее масок. ее никогда нельзя было поймать. невозможно было уличить в чудовищном лицемерии — и только в этом был ее скрытый протест, так никем и не замеченный.

и вот, когда моя вновь пришедшая рыжая, с нескрываемым интересом поглядывая на меня, дует на густые и тяжелые пары чая в чашке с синими кроликами, я решаю рассказать ей сказку об особой принцессе, которой в традиционных сказаниях, места бы совершенно точно не нашлось.

— вот слушай, — поправляю плед в катышках на коленях Дарьи и улыбаюсь, — бывают же такие, которые идут против системы, да?

— бывают, — озадаченно кивает она, уже со вкусом отпивая горьковатый отвар, но все еще морщась от прикосновения моих рук, — но, знаешь ли, редко у них выходит эту систему побороть. ее столько лет отлаживали, что ли, чтобы всякие дураки ее ломали?

и тут мне отчаянно хочется доказать ей, что именно эти дураки, ломающие и вновь программирующие под себя всякие условные системы — люди, действительно чувствующие себя живыми, настоящими, счастливыми. люди, чувствующие вкус и запах окружающего их мира. именно поэтому торопливо начинаю свой рассказ.

— когда-то давно, во времена доблестных рыцарей, хитрых королей и злых мачех жила особо ничем не отличающаяся от типичной принцессы инфанта. жила себе

и жила со своим отцом-ничем-не-отличающимся-от-других-королей-королем, ни в чем не нуждалась, звезд с неба не хватала и занималась своими принцессовскими делами — в общем, была послушной, покорной, кроткой, нежной и прекрасной, как благоухающая в летнем саду майская роза и все такое.

рыжая фыркает и улыбается, теряя по частям свой цинизм.

— но вот однажды пришел к ней король-отец и, поправив свою до неприличия банальную красную бархатную мантию, объявил, что скоро принцесса должна выйти замуж за принца другого тридевятого королевства. и все бы ничего, принц и принцесса, вроде как все должны быть довольны, но вот брак-то по расчету, как сказали бы мы сегодня. королю срочно нужно было золото, чтобы распрощаться с долгами, да и союз дочери и того принца-инкогнито был бы выгоден обеим сторонам — царства могли бы не волноваться, когда неотвратимо наступит время битв, ведь они будут семьей и на фронте.

покачала головой юная принцесса, уронила пару слезинок, да делать и нечего — противиться отцу, кажется, совсем не вариант. поэтому стала она покорно ждать своей свадьбы и, по совместительству, первой встречи с будущим мужем.

и вот долгожданный день наступил. королевство, обсыпанное цветами, словно веснушками, нарядилось в самые яркие оттенки. в каждой таверне поднимались чаши, полные вина или эля[1], за здоровье и благополучие

[1] — эль (англ. ale) — сорт пива, производимый быстрым верховым брожением при высокой температуре.

молодых. в каждом доме устраивалось пышное празднество, а тем временем принцесса, стыдливо, как и подобается, опустив голову, шла к алтарю. свежа она была, как вешний цвет, и никто не мог налюбоваться на красавицу-невесту.

ничего не могу сказать про принца — принц был, как принц. не урод, но и не ах. в обычных сказках принцы не описываются, знаешь ли.

обвенчались они скоро и уехали во дворец жить, дела принцевские и принцесовские вершить.

однако, с каждым днем принцессе становилось все тоскливее, все хуже. она не хотела видеть своего мужа и, тем более, отца, все чаще запиралась в своей башне, время от времени ведя долгие беседы со своим новым слугой. как вы поняли, влюбились они друг в друга без памяти — удивительный поворот событий для классической сказки, верно? — и, конечно же, стали думать, как бы избавить принцессу от таких ужасных страданий.

— я знала, конечно, что ты сказочница, но не настолько же новаторская! — перебивая меня, восклицает Дарья, — ставлю стольник[1] на то, что она не сможет сбежать от отца. неужели сказка с грустным концом, а? — подмигивает и торжествующе улыбается.

я хитро щурюсь в ответ.

— а думать им так толком и не пришлось. в один ясный солнечный день назначила принцесса свидание любимому на балконе своей высоченной башни, и как раз

[1] — стольник — сто рублей или другой валюты, чаще всего употребляется именно в денежном смысле.

в то время, когда королевская чета наслаждалась изысками светской кухни. поднял голову король и обомлел — видит, что дочь его в латах, украденных у принца, садится на подлетевшего к ней прекрасного дракона. так ладно, что латы — так негодяйка еще и волосы свои золотистые аж под уши обрезала! кричит ей, руками машет, поднимает принца, больше занятого кушаньями заморскими, а девчонка с высоты лишь улыбается и машет ему ладонями в железных перчатках.

много лет с того случая прошло. никто так и не нашел храбрую принцессу, осмелившуюся пойти против всех законов и правил, как бы не злились короли и не было абсолютно по боку молодому принцу. а юная разбойница улетела в счастливую жизнь со своим возлюбленным-слугой — он, кстати, был драконом. и, знаете ли, жили они долго и счастливо: дракон и принцесса. и умерли не в один день.

Дарья ошарашенно смотрит на меня. и теперь рот раскрыт явно не у меня.

— гони мой стольник, Дарья, — уверенным голосом заявляю я, — ломать системы умели даже в Средневековье, это я тебе говорю, как специалист.

а теперь на секунду закрой глаза и представь себе, что я нашла, когда провожала свою полуночную гостью.

правильно. я нашла прощальную записку от моей Шошанны, которую сейчас тебе покажу.

«cher Sasha[1],
если ты видишь это, значит, я уже не тут. не волнуйся,

[1] — с фр. — «дорогая Саша».

s'il vous plaît,[1] со мной все в порядке, я улетела к своей мечте. я тебе так и не рассказала, в Англии меня ждет мой любимый. сейчас я заняла денег на билет. лечу к нему и к учебе на дизайнера. не пытайся звонить и отговаривать, я поменяла номер. s'il vous plaît, напиши маме и папе и скажи, что я обязательно буду к ним приезжать. только не проболтайся, где я! merci pour tout, Sasha[2]. век тебя буду помнить.»

au revoir,

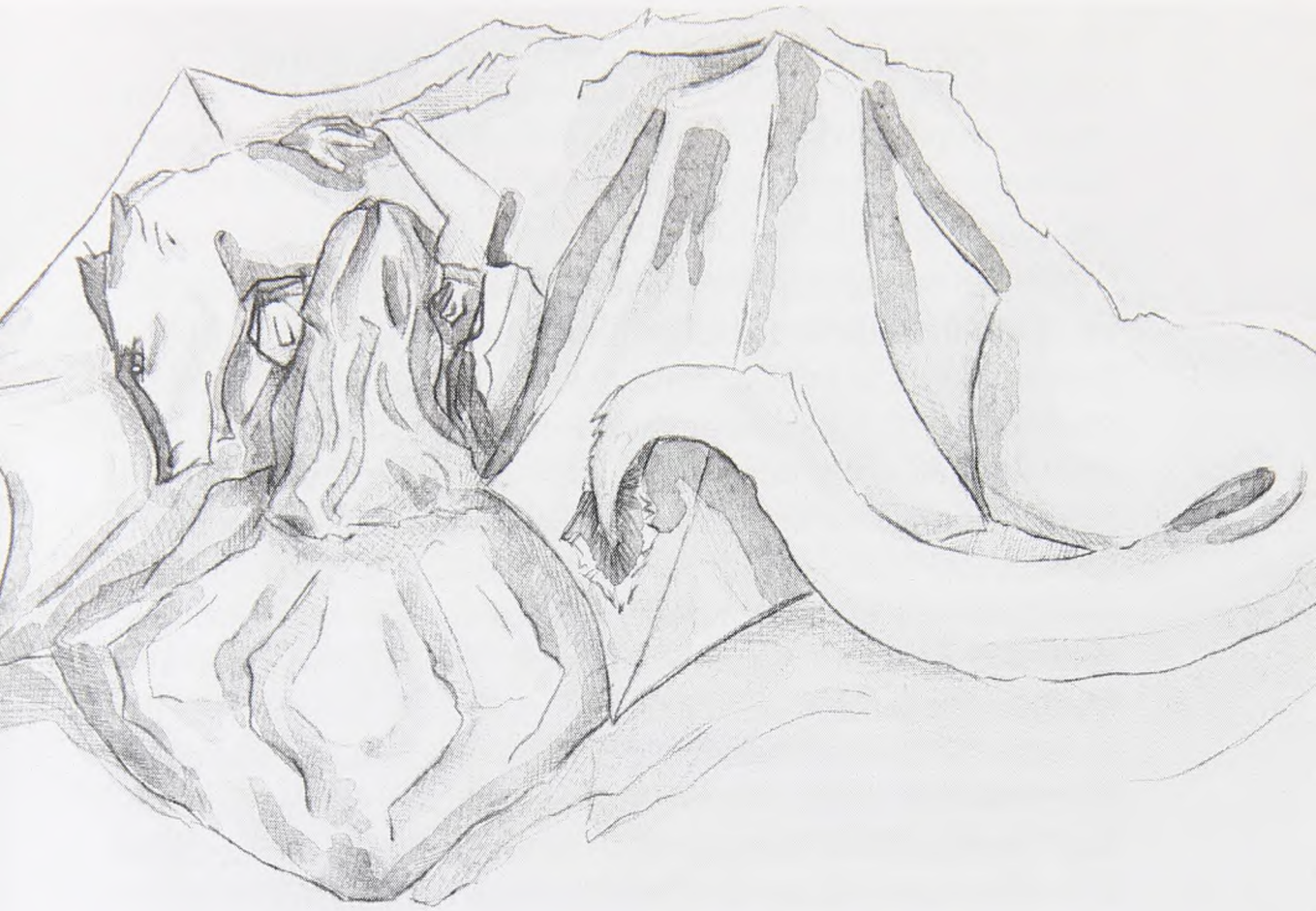
votre Shoshanna[3]

знаете, ломать системы умеют и сейчас.
я уверена, что очень и очень успешно.

[1] — с фр. — «пожалуйста».

[2] — с фр. — «спасибо тебе за все, Саша».

[3] — с фр. — «до свидания, твоя Шошанна».

сказка о лунном камне. мальчик с мечтой о космосе

после внезапного, но очень правильного отъезда моей непокорившейся Шошанны прошло некоторое время. рыжая Даша с рюкзаком и уже неуверенной циничной улыбкой будто растворилась в воздухе, с каждым днем все сильнее и сильнее пахнущем чистыми стеклышками первого робкого морозца, еще не способным румянить щечки, но уже заставлявшем кутаться в теплый плед (обязательно с катышками!) и добавлять в крепкий черный чай кусочки бледно-желтого, как покинувшее Петербург солнышко, имбиря.

мне было даже как-то немного тоскливо и капельку противно на душе. ну же, подумай сам — прокрастинация[1] подкралась незаметно, ровно как и зима, дома стремительно заканчиваются запасы бабушкиного абрикосового джема, да еще и кофемолка сломалась. нужно чинить. а чтобы чинить, надо выйти на улицу. а выйти на улицу — значит признать, что зима почти наступила. а признать, что зима почти наступила — значит впасть в полную апатию[2], иногда прерываемую радостными визгами от обилия новогодних распродаж. проблемы мирового масштаба для творческого человека, скажу я тебе без капли фальши и показной важности.

[1] — прокрастинация — в психологии склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, приводящая к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам.

[2] — апатия — состояние безразличия, бесстрастия, невозмутимости.

а когда мне особенно тревожно на душе и от беспричинной печали вдруг хочется есть Киевский торт столовыми ложками, я — не поверишь — сажусь перед окошком на старенькую табуретку, обтянутую коричневым дермантином и, смотря на далекие огоньки в небе, думаю о космосе. а вместе с мыслями о вышине небесной у меня непоправимо возникает в голове образ одного мальчика.

признаться, я никогда не была с ним как-то особенно близка, но так уж получилось, что наши пути не слишком разошлись — скорее, они шли параллельно друг другу, не пересекаясь, но и не слишком отдаляясь. мальчика я назову буквой С. что я могу сказать о нем, как о личности, говоришь? был он... какой-то не такой. я постоянно видела в этом мальчишке со смешным вздернутым носом какую-то червоточину, и червоточина эта выявилась для меня лишь недавно: я поняла, что никогда не видела столь пустых глаз. наша юность была отчаянно безбашенной, яркой и незабываемой, но ни в одном эпизоде ее, как бы не улыбались его губы, я не видела живой искорки в глазах, которая дает понять, что человек жив и хоть что-то чувствует. он смеялся — вроде как достаточно искренне — шутил — вроде как очень смело и до того чертовски неприлично, что у меня горели щеки от стыда. он вел себя совершенно безрассудно и порой даже абсолютно глупо, из чего со временем я сделала вывод — он не остановит свой почти дикий спектакль под названием жизнь, пока не испробует все, не выпьет себя и окружающих его близких и далеких людей до дна, потому что, по моей теории, он просто не умеет чувствовать или утратил эту способность из-за переломного события в судьбе.

и после всего этого не самого лестного описания я те-

бя ошеломлю. не поверишь, о чем он мечтал.

он мечтал о космосе, солнце. мы часто общались ночью, забываясь в разговорах о науке, психологии, отношениях между людьми. но однажды он сказал мне фразу, которую я никогда не пойму и никогда не сумею забыть.

«если я увижу там, в космосе, что-то, что невозможно описать — я готов умереть»

мальчик с абсолютно пустыми глазами готов умереть за то, что так далеко и так размыто для всех нас — что-то из ряда фантастики, до сих пор не укладывающееся у меня в голове.

я думаю и думаю о неоновых планетах, о мальчике С, о смерти за жизнь, о неизведанных бездонных глубинах вселенной и даже не замечаю, как в дверь как-то особенно тихо и одновременно настойчиво стучат.

— расскажи мне что-то о звездах, — шепотом просит меня заплаканная, но изо всех сил старающаяся сохранить спокойствие и твердость голоса Дарья, поджавшая под себя ноги на кресле, — расскажешь, да?

и я, тяжело вздохнув и взглянув на будто застывшую идеальным изваянием рыжую, начинаю свою новую историю.

— когда-то жил на свете славный гончар. была у него своя небольшая лавка на рынке столичного городка, и пользовались плоды его мастерства — кувшины, вазы, горшки — огромным спросом у горожан всех сословий и возрастов. делал он их на удивление ладно, аккуратно — ни разу не видели покупатели в его мастерской ни осколка от разбившегося творения — и расписывал, к тому же, невероятно искусно, и даже ни одна мастерица в городе не могла похвастаться более изысканными

и утонченными фресками на своей посуде.

все хорошо было у гончара, но только вот сердце его давно уж окаменело и застыло, словно обожженная в печи глиняная ваза. жена его умерла в родах, оставив ему чудом выжившую дочку. и даже это было не самое страшное, что могло случиться с гончаром — по-настоящему ужасным было то, что он просто не мог любить свою малышку. со смертью любимой будто умерло и его сердце, потеряло всякую возможность чувствовать. он хорошо содержал ее, дарил отцовскую заботу и оберегал — но не от любви, а из-за долга перед покойной женой. более того, девочка страдала страшной болезнью сердца, и гончар осознавал, что каждый день для нее может стать последним, но... ничего не ощущал даже при этой мысли. продолжал он работать в своей лавке. дела шли лучше с каждым днем, да только глаза его были страшно пусты.

— и где же космос? — прерывает меня моя гостья абсолютно бесцветным голосом, — мы ведь договорились.

— славный гончар ждать не будет, — нарочито сердито отвечаю я и чуть улыбаюсь, — будет тебе и космос, и звезды, и даже Млечный Путь из молока или Милки Вэя[1]**американской компанией Mars Incorporated.,** если только захочешь.

— и вот однажды он задержался в мастерской совсем-совсем поздним вечером. было полнолуние, и его дочурка, ожидая отца, танцевала в таинственном лунном свете, звонко смеясь и спотыкаясь о свои же совсем слабые

[1] — Milky Way — с англ. — «Млечный Путь» — шоколадный батончик, производимый

ножки.

внезапно резвый хохот и топот детских ножек стих. гончар, подумав, что дочь не пережила эту лунную ночь, с тихим вздохом вышел на улицу, однако увидел там совсем иное зрелище.

его дочка, усевшись на холодные плиты тротуара, внимательно рассматривала какой-то странный серовато-тый камень в своих пухленьких ручках, поворачивая его из стороны в сторону.

— откуда это у тебя, прелесть? — ровным голосом спросил гончар, — пойдем домой, я закончил дела.

— знаешь, папа, этот камень упал с Луны, он точно волшебный, и этой ночью он должен засветиться. а еще, папа, ты должен меня разбудить, когда он начнет светиться, а то я все пропущу, ты же разбудишь меня, да? — увлеченно щебетала малышка, крепко удерживая пальчиками камень.

— конечно разбужу, милая, сразу, как начнет светиться, — тихо проговорил гончар, посмотрев на счастливую дочь и угадывая в ней черты своей возлюбленной.

конечно, когда они легли вместе в кровать, он совсем не собирался будить малышку, ведь она, фантазерка, снова все выдумала. но все же, не желая разрушать наивные детские мечты, гончар кивнул на повторный вопрос девочки.

ночью он проснулся от внезапного яркого света. камень и вправду светился, а дочь рядом с ним уже не дышала.

и вдруг зарыдал со всей своей горечи славный гончар. из его окаменелого сердца будто вырвалась наружу мощным потоком вся злость, обида и несправедливость, которую он терпел, выплеснулась страшным цунами скорбь и любовь, так долго томившаяся внутри. поднял обессиленно глаза гончар — и видит что-то совершенно удивительное: на месте сердца у дочери стоит светящий-

ся ослепительно алым лунный камень, и потихоньку оживает она. вот заалел на щечках детский смешной румянец, вернулся цвет к пухлым губкам, заблестели светлые кудри. открыла девочка глаза цвета лазури.

— папа, ты меня разбудил, да?

обнял гончар дочь, прижал к себе изо всех сил, и больше никогда-никогда не отпускал. ну а еще всегда верил даже в самые невероятные чудеса.

через время я все же наконец выбралась на улицу и со всей серьезностью признала поражение осени перед неумолимо наступавшей зимой. навстречу мне шел высоченный С с шапкой набекрень, и... кажется, мне не показалось.

искрами в ранее пустых глазах.

— Саш, может, в военно-космическую академию[1] поступлю, — в голосе гордость, а глаза почти горят.

— и умрешь за то, что увидишь в космосе? — отшучиваюсь я, внутри почти ликуя.

— если понадобится, то умру, — на минуту серьезно отвечает он, — а теперь пойдем-ка напьемся в борщи, нас там один уважаемый человек ждет. тебя особенно.

[1] — Военно-космическая академия имени А.Ф.Можайского.

сказка о доброй ведьме. бариста по имени александра

с окончанием оранжево-серой сырой петербургской осени в свои права наконец вступила влажно-блестящая и чуть сиреневая зима. она наступила на рассвете одним из ноябрьских тихих дней. я сидела напротив своего окна, доделывая макеты новых книг, завершая нелепые акварельные рисунки со слониками и попутно кидая третий кубик сахара в невозможно горький кофе, когда мой полусонный взгляд зацепился за необыкновенную картину на улице. тусклые лучи грязно-желтого солнца словно пронзали мокрый асфальт, светло-лавандовое зарево неба будто подсвечивалось изнутри розовой лампочкой, а отсыревшие от нескончаемых ливней скамейки беззвучно серебряной тончайшей простыней застилал снег.

наверное, вам не так трудно предугадать реакцию сумасбродной писательницы, впускающей к себе по ночам рыжих девушек, на столь удивительное зрелище. тихо взвизгнув от томительного восторга, я подорвалась на стуле, случайно задев рукой кружку с магическим напитком и тем самым вылив на наброски новых иллюстраций непоправимо огромное количество еще дымящегося кофе. однако, времени обращать внимание на столь досадную мелочь совершенно не оставалось, ведь рассвет собирался окончательно привести с собой за руку новый день с минуты на минуту, поэтому я вскочила и, сметая все на своем пути, помчалась к вешалке. спугнув мирно спящего кота, я накинула на теплую флисовую пижаму со звездами пальто, обвязала вокруг шеи шарф, всунула ноги в тапочки и пустилась бегом по кру-

той лестнице, по пути чуть не расшибив себе лоб.

не помня ничего и никого, я кружилась и кружилась под этим робким и еще стыдливым первым снежком, смеясь и ловя снежинки ртом, стараясь дотянуться руками до этого ласкового и совсем еще сонного солнца, так похожего на леденец от кашля, до лавандово-приторной глазури неба и тонких лучей небесной лампы.

от чар наивного детского восхищения меня беспардонно пробудила соседская Лидия Михайловна, пару раз выказав не очень-то вежливое желание, чтобы я наконец показала свои книги психиатру. а что? неплохая идея, знаете ли. а что им еще читать, пока санитары людей ремнями к кушеткам привязывают?

именно поэтому, когда Дарья, уже принаряженная в симпатичный темно-голубой шерстяной полушубок, снимает ботинки в пропитанной запахом сиропа с солодкой прихожей, я с ходу спрашиваю ее:

— как думаешь, безумцы всех умней?

она на секунду застывает, будто припоминает что-то важное. вздыхает и совсем по-хозяйски проходит мимо меня, направляясь к уже полюбившемуся, кажется, ей креслу.

— безумцы есть безумцы. сравнить их с обычными людьми невозможно.

сажусь напротив нее и снова подаю чашку горячего травяного чая, заваренного специально к ее приходу. постепенное дежавю.

— тогда слушай.

в далекие-далекие времена, когда люди свято верили в богов, фей, нимф и колдунов, жила в глухой деревушке в самой дремучей глуби изумрудного леса одна ведьма.

домик ее стоял на самой окраине этой деревушки, и люди, сказать честно, сторонились и его окон, и его хозяйку: выманивали с улицы непослушных детей, гуляющих допоздна, страшными историями о том, что ведьма по ночам забирает к себе в дом таких вот нерадивых мальчишек и девчонок и ест их потом на завтрак; по поселению часто ходили слухи, что все беды на деревню и ее жителей посылает именно молодая колдунья; что знает она самые страшные темные обряды и умеет проклинать весь род человека, и от этого проклятия никак потом не спастись.

на самом деле, все эти сплетни, просачивающиеся через дверные проемы и шаткие оконные рамы, были абсолютно нелепы и беспочвенны: юная ведунья держалась особняком от остальных поселенцев, но никогда никого не трогала, лишь изредка выходя на главную улицу деревушки, чтобы продать свои снадобья и лечебные отвары. прибыли это не приносило никакой, что вполне объяснимо: народ просто боялся, что по стеклянным колбам разлиты вовсе не травяные настои, а зелья страшной силы, а обереги заговорены не на удачу, а на смерть.

а ведь такая отвратительная репутация у ведьмы сложилась лишь потому что ее бабка, передавшая ей свой бесценный магический дар, практиковала магию во зло. теперь из-за ошибок предков девушке никто не хотел верить, а ведь она могла поистине многое: и лечить людей от банальной лихорадки, и возвращать почти бездыханные тела к жизни. страдала ведунья от такой несправедливости, но ничего сделать не могла: людей сложно заставить поверить в твои добрые намерения, если когда-то за твоей семьей водился грешок.

и вот однажды она пришла на веселый праздник, устраивавшийся в деревне ежегодно. люди прыгали через костры, плели венки, плясали и угощали друг друга разными вкусностями, юноши традиционно просили руки

у дам своих сердец, устраивался широкий пир. никто не заметил ведьму, да она и не преследовала этой цели: она лишь хотела посмотреть на то, как живут по-настоящему, как любят и веселятся не обремененные тяжким даром провидения.

сидела она задумчиво в стороне, как вдруг, услышала сначала тревожный гул и гам толпы, а затем и пронзительный крик: маленькая девочка утонула в ледяной воде реки, а мать увидела ее уже мертвое тело.

побежала ведунья на крик, спотыкаясь и царапая руки о ветки могучих деревьев. вскоре она увидела, как склонилась рыдающая мать над своей девочкой, как гладила ее по голове да звала, звала, просила очнуться. подлетела вмиг колдунья к малышке, взяла ее на руки и крепко прижала к себе. народ затих, боясь и шевельнуться.

— ведьма дождалась часа х? — цинично скалится Дарья.

— меньше скептицизма, — парирую я, — не безумцы никогда бы так не сумели.

— поняла ведьма, что, чтобы спасти девочку, ей придется отдать свою жизнь, а с ней и свой так и не раскрывшийся в полной мере дар. уронила она несколько чистых слез, посмотрела в последний раз на чистую лазурь небес, и прижала к своей груди малышку сильнее, чувствуя, как стремительно покидают ее силы.

когда девочка уже дышала, молодая колдунья лишь хватала ртом воздух, держась рукой за сердце. когда мать девочки, обомлев, тронула ее рукой, ведунья тяжело и сбивчиво прошептала ей:

— ваша дочь теперь колдунья. пожалуйста, не потеряйте...

договорить она не успела. упало ее прекрасное тело

на землю, отпустив ожившую малышку.

похоронили молодую ведьму со всеми почестями. и никогда не забылся в той деревушке ее подвиг, и даже разнесся эхом по всему царству. а со временем подросшая спасенная девочка стала Первым Чародеем королевства, навсегда сохранив в сердце память о той, кто отдала ей свою жизнь.

— о, привет, дорогая! — слышу я до боли знакомый приветливый голос сразу после привычного звона колокольчика у двери.

я шагаю по любимой уютной кофейне навстречу барной стойке, за которой бессменно стоит моя любимая подруга Александра Шварц, мигрировавшая в Петербург из Германии.

— как обычно двойное капучино, верно? — чуть погрустнев, но с той же ослепительной улыбкой спрашивает Сандра, — ты знаешь, сегодня мне пришла новая документация о моей покойной бабушке.

то, что я узнала тогда, повергло меня в настоящее потрясение. за простой кружкой кофе я услышала историю об удивительно героической женщине, которая, будучи женщиной с немецкими корнями и живя в блокадном Ленинграде, тайно эвакуировала людей в оккупированную Прагу, скрывая их там от захватчиков. однако, спустя несколько лет успешной деятельности её настоящее происхождение раскрыли. оно и стало причиной её смерти — позорного расстрела после нескольких недель нескончаемых допросов и пыток.

— знаешь, Саша, я приехала сюда для нее, — дрожащим голосом рассказывает Александра, закрыв глаза, — и не уеду уже никогда.

гениальные деяния безумцев, решаю я про себя — ответ на вопрос, почему человечество до сих пор живо.

сказка о таинственной маске. манжеты варежек

время, как и положено его течению, вдруг побежало с немыслимой скоростью. жизнь уже не лениво текла, с легкой руки позволяя мне наслаждаться огненными пейзажами освещенных ночными фонарями улиц и неспешными уютными чаепитиями перед небезызвестным окном, а стремилась куда-то вперед, тем не менее, постоянно спотыкаясь о мою философскую медлительность и постоянное желание наблюдать и рассуждать, вошедшее в привычку, что свойственно художникам. я, не успевая не то что выспаться, но даже ложиться спать, бегала на встречи с издателями так, что когда-то даже не заметила, что обогнала едущий автобус; вечно продлевала дедлайны[1], совершенствовала какие-то свои навыки рукоделия и кулинарии. однажды загорелась идеей испечь лимонный пирог. что и следовало ожидать, сливочный крем пришлось отскребать от обоев в цветочек, а лимонный конфитюр — вымывать из спутанных мокрых волос.

я так увлеклась самосовершенствованием, что совершенно забыла о всех, кто так дорог моему, загнавшемуся в непрекращающейся погоне за идеалом, сердцу. на эту мысль, как ни будет вам смешно это сейчас услышать, навел меня мой кот. однажды он сел на клавиатуру моего ноутбука с разводами от, конечно же, крепкого черного

[1] — дедлайн — крайний срок, предельный срок, дата или время, к которому должна быть выполнена задача.

кофе, и требовательно завилял пушистым хвостом, сметая с подоконника пыль прямо мне в лицо. мол, посмотри на меня, почеши уж и погладь, сколько мне можно только кормом чавкать да у батареи пузо греть.

— Котангенс![1] — внезапно раздраженно крикнула я, непривычно быстро выходя из себя, — Котангенс, какой ты хам и негодяй, черт тебя дери! ну кто так мешает хозяйке, когда она так старательно зарабатывает деньги на твой корм, бессовестное ты безобразие!

кот, оскорбленно окинув меня разочарованным взглядом темно-желтых, как цветочный мед, глаз, тихо и даже презрительно фыркнув, спрыгнул с подоконника прямо на пол, не проделав перед этим свой привычный прыжок на мои колени.

и знаете что? как-то совестно стало. совестно, что кота своего не тискаю, что кофе хипстерский предала ради простого черного, который действительно бодрит, что дни бегут мимо, а я почти не успела насладиться любимыми зимними распродажами и ни разу не сварила глинтвейн.

ну а еще... а еще я жутко соскучилась по одному человеку.

— что-то на романтику больно потянуло, — растягивается на кресле Даша, блаженно прикрыв глаза и прячась под куполом уже привычного ей пледа в шотландскую клетку, — и когда я успела растерять всю свою непоколебимую твердость?

— это намек на романтичную сказку? — торжествующе хихикаю я, смотря на нее с нескрываемым удивлени-

[1] — Котангенс — кличка кота главной героини.

ем, — или хочешь, чтобы я принесла портвейна и ментоловых сигарет?

Дарья прыскает вместе со мной. наконец на ее бледном лице я вижу хотя бы тень искренней и теплой улыбки, которая, оказывается, так красит ее уже ставшее мне родным лицо.

— все мы, глупые девчонки, мечтаем о прекрасном принце на белом коне, так? — начинаю я философствовать, за что получаю от рыжей достаточно болезненный щелбан, — буду считать, что да, все дружно мечтаем, дрыгая ножками и томно вздыхая. а в этой сказке... в этой сказке мечтать о прекрасной принцессе будет принц.

принц, как и полагается, жил вместе со своим отцом-королем в огромном замке с сотнями прислуги и знати. и, как ни было это удивительно, его совсем-совсем никто не понимал. принц просто не мог завести долгий разговор с кем-то, поделиться своими королевскими эмоциями и величественными наблюдениями — каждый раз, когда предпринималась таковая попытка, ему казалось, что он и все остальные люди говорят на совершенно разных языках.

со временем принц смирился. постоянно с ним была лишь одна его молодая служанка. она не была невероятной красавицей и не блистала особой харизмой или притягательностью, но всегда находилась рядом, готовая помочь в любую секунду. принц принимал ее заботу скорее как нечто должное, чем проявление каких-то чувств, и поэтому не особо уделял ей внимание.

а время все шло и шло. скоро принцу и жениться надо бы, да вот ни одна принцесса не питала к нему хотя бы легкой симпатии — а ведь он был весьма недурен собой. видя, насколько безнадежна ситуация с сыном, король решил устроить несколько балов, на которых принц на-

конец сумел бы найти ту, которую ждал всю жизнь.

шел принц на первый бал без особого энтузиазма. он уже не верил в то, что когда-то будет по-настоящему счастливым.

в течение вечера его внимание привлекла юная незнакомка. она была в роскошном платье, шелковых перчатках и загадочной серебристой маске, деликатно скрывающей лицо за искусной кружевной сеткой. принц говорил с дамой, кажется, обо всем на свете целый вечер. она казалась ему смутно знакомой и одновременно удивительно таинственной.

следующий бал для принца прошел в ожидании дамы в кружевной маске, и его надежды полностью оправдались: девушка пришла в еще более красивом наряде, буквально очаровав принца шармом и загадочностью. и снова все танцы он кружил вместе с ней, будто забыв о всех остальных и понимая, что он, кажется, нашел ту самую.

и именно поэтому у юноши родился план. он твердо решил, что на третьем балу как бы невзначай сдернет с девушки ее маску, разрушив ореол загадочности, но, возможно, обретя свое счастье навсегда.

— побольше бы таких решительных, — заливается смехом Даша, — действительно похоже на сказку.

— и вот наступил третий бал. в зал, будто лебедь, вплыла прекрасная незнакомка, одетая в свой, казалось, лучший наряд — красивее ее платья вряд ли кто-то сумел бы придумать. принц, помня о своих намерениях, моментально подошел к даме. они снова завертелись под звуки кадрили, и он, будто бы случайно задев завязку маски рукой, заставил упасть на пол ненужное более украшение.

и каково же было его удивление и восхищение, когда за изысканными кружевами он обнаружил лицо его вер-

ной и преданной служанки, столь долго старавшейся добиться его расположения.

и все тут стало для принца понятно — с этой девушкой его свела сама судьба. он потребовал немедленно прекратить прием, вывел свою избранницу на середину пылающей миллионами огней залу и перед десятками ошеломленных лиц сделал ей предложение.

через время сыграли пышную свадьбу.

и принц знал, что ради этой хрупкой, но такой сильной девушки он готов на многое, ведь она годами доказывала ему, на что способна ради него.

я смотрю сквозь бокал с красным игристым на самое любимое на всем белом свете лицо.

— кого ищешь? — по голосу слышу, что он улыбается, — как тебе вино? то самое, помнишь? я до сих пор помню его название.

мы весь вечер гуляем по Адмиралтейской[1], на всю набережную горланя песни Depeche Mode[2] и целуясь, прикусывая друг другу губы до крови.

и когда он, как когда-то давно, заправляет манжеты моих варежек мне в пуховик, я смотрю на него и, конечно же, не могу сдержать слез любви.

он с улыбкой вздыхает и притягивает меня к себе:

— иди сюда, горе ты мое луковое.

[1] — Адмиралтейская набережная — в 1918—13 января 1944 — «набережная Рошаля» — набережная в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга.

[2] — Depeche Mode — рус. Дéпеш мод, в переводе с фр. — «Вестник моды» — британская электроник-рок-группа, образовавшаяся в 1980 году в городе Базилдон. эта группа создала собственный стиль в жанрах электронной и рок-музыки и является одной из наиболее успешных групп мира.

и, кажется, больше в мире ничего и не нужно. только вино, мотивы Depeche Mode и он, светящийся счастьем и заправляющий манжеты моих варежек мне в пуховик.

сказка о рыжей фонарщице. ляля

и вот, наконец, наступило так обожаемое каждым взрослым и ребенком время — предновогодняя блестящая суета, пахнущая мятными пряниками, переливающаяся красными огнями длиннющих гирлянд из Икеи[1] и звучащая практически оглушающим хрустом дешевой оберточной бумаги. и пускай по-настоящему новогодней атмосферы в городе, к сожалению, не наблюдалось из-за постоянных скачков температуры, я решила силой вызвать у себя настроение, которое называю режимом оленей на свитере и бенгальских огней в пятой точке.

моя старенькая квартира из выходцев сталинок[2] разоделась в самые яркие и пышные наряды: почти везде красовалась сияющая всеми оттенками дискотечного шара мишура (ею была украшена даже веревка, использующаяся мною для высушивания целебных трав, чтобы ты понимал масштаб моей предновогодней перезагрузки и уровень моей решительности начать новый год действительно с чистого листа), на допотопном фортепиано лежала картинно свернутая гирлянда из строительного магазина неподалеку, а около музыкального инструмента, гордо вытянув вперед хвойные ветки, стояла не такая уж и пышная для своего напускного величия ель. она смотрелась как-то по-особенному странно и даже весьма

[1] — Икеа — нидерландская производственно-торговая компания, владелец одной из крупнейших в мире торговых сетей по продаже мебели и товаров для дома.

[2] — сталинка — общее разговорное название многоквартирных домов, сооружавшихся в СССР с конца 1930-х годов до середины 1950-х годов, главным образом во время правления И. В. Сталина.

забавно, хотя, по сути, являлась главным атрибутом ежегодного торжества. несколько раз задумчиво взглянув на ее редкие ветки, я вспомнила одну очень неординарную личность. впрочем, пожалуй, о ней ты сейчас и услышишь, так что советую заварить свежий чай и приготовить побольше печенья.

я называла ее в своих мыслях Лялей. знаешь, она была именно того типа людей, с которыми никогда не общаешься даже по-дружески, но запоминаешь на всю жизнь — Ляля для меня была чем-то вроде НЛО[1], восьмого чуда света и полного инкогнито одновременно. если сказать проще — это был единственный человек, поступки и мотивы поступков которого я не могу понять и по сей день. будучи на два года младше Ляли, я невероятно сильно любила наблюдать за ней в коридорах моей школы — просто она отчаянно притягивала к себе взгляд и его банально невозможно было оторвать. десятиклассница, а вследствие и выпускница, она непринужденно носилась по лестницам, сбивая с ног учителей, рассуждала о том, как ненавидит Ахматову[2] и как решать интегралы, хохотала в голос, не заботясь, нравится ли человеку ее поведение или нет, размахивала перед лицом одноклассников копной очаровательно кудрявых ярко-рыжих волос, воровала еду в столовой, сбегала с уроков, училась на отлично и прикуривала ребятам за углом соседнего дома, где обычно мальчишки и девчонки сбивались, чтобы обменять Винстон[3] на Мальборо[4] или похвастаться но-

[1] — НЛО — наблюдаемый объект, напоминающий летательный аппарат, принадлежность которого не опознана земными наблюдателями.
[2] — Ахматова А. А. — русская поэтесса Серебряного века, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века.

выми зажигалками. Ляля была для меня чем-то вроде «Спанч-Боба»[5] для ребенка, с нетерпением ждущего появления любимого героя на телеэкране после невозможно долгого транслирования глупых аналитических передач для взрослых.

и однажды вышло так, что я триумфально вошла в богемную тусовку старшеклассников на зависть всем одноклассникам. несомненно, там она была самой яркой личностью и когда-то мы — не поверишь — заговорили о литературе.

апогеем моего тотального восхищенного непонимания этой персоны стала одна совершенно исключительная ситуация. на одной из перемен перед физикой она подошла ко мне и, сперва отогнав всех моих одноклассников от меня, вручила мне новенький внушительный сборник стихов Набокова[6] и почти сразу же испарилась, так, что я даже не успела отказаться и поблагодарить ее за такую доброту.

Ляля для меня была чем-то вроде моей новогодней елки — находясь в самом центре маскарада, она умудрялась полностью не соответствовать этому самому центру.

[3] — Винстон — Winston — марка сигарет, выпускаемая компанией JTI.

[4] — Мальборо — Marlboro — марка сигарет, выпускаемая компанией Philip Morris International.

[5] — Спанч — Боб — «Губка Боб Квадратные Штаны», также известный, как «Спанч Боб Сквэр Пэнтс» — англ. Sponge Bob Square Pants — американский мультипликационный сериал, который транслируется на телеканале «Nickelodeon».

[6] — Набоков В. В. — русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед и энтомолог.

— держи, сказочница, — протягивает мне Даша бутылку отменного красного полусухого с широкой улыбкой, — идем готовить глинтвейн в честь скорого нового счастья.

радостно взвизгиваю и бегу за табуреткой доставать с антресолей давно забытые пряности.

— так вот, — аккуратно дую я на горячее и ужасно аппетитно пахнущее почти что зелье, — вернемся к нашим баранам. однажды, в одном волшебном городе, над которым светили самые яркие звезды и где таинственнее всех городов на всем земном шаре светила луна, люди внезапно потеряли ночное небо.

вот такое вот разорение. жили себе и жили, а тут — на тебе! — взяло ночное небо и кануло в лету, будто никогда и не было. а это, между прочим, была главная достопримечательность города! представляешь, какие убытки понесет городская казна? — Дарья так серьезно кивает, что меня разбирает смех, — ну вот ровно так же серьезно качал головой и мэр города, когда узнал о таком страшном событии для всех горожан. и как теперь детишкам астрономию изучать? как домой добираться? и главное — под чем теперь целоваться-то, а, люди добрые?

именно поэтому мэр на главной площади торжественно объявил совершенно небывалую новость — тот, кто сможет вновь зажечь звезды и луну или найдет того, кто это делал раньше, сможет просить у него все, что его душа пожелает. кроме, конечно, места главы города.

а на площади во время публичного зачитывания приказа в одиночестве стояла неказистая рыжая девчонка-волшебница. на ней были грубые ботинки и платье ниже колен в мелкий цветочек. она не улыбалась и не проявляла, кажется, вообще никаких эмоций, и лишь чуть заметно скривилась, когда вслед ей мальчишки начали кричать

весьма грубые оскорбления.

да, она была, как ни от мира сего. да, она была совершенно иной — и люди, конечно, будучи по сути своей глупым стадом, изводили ее, как могли. но мало кто знал ее маленький секрет — именно эта девушка каждую ночь поднималась на своей огромной деревянной этажерке к небу и старательно зажигала каждую из звездочек, даже самую-самую маленькую и непримечательную.

она была звездной фонарщицей, и, устав от насмешек людей, оставила свое тайное призвание. ведь нашлась же когда-то давно она, правильно? значит, найдется и кто-то другой, кто сумеет вновь зажечь звезды.

безуспешно искали горожане хоть кого-то, кто смог бы прекратить их ночную жизнь в полной темноте — да так и не нашли. многие смельчаки пытались взобраться к звездам и заставить их вновь гореть золотистыми отсветами — и падали вниз, на землю. небеса их не попросту не пускали.

и вот в очередную темную ночь стояла волшебница перед черным, как смоль, небом и вдыхала полный свежести воздух. вдруг подошла к ней маленькая девочка.

— тетя, — улыбающимся голосом пролепетала она, и голос этот фонарщица узнала сразу. эта малышка жила со своей матерью неподалеку от ее дома ужасно бедно и несчастно. очевидно, мать потеряла ее в темноте.

— тетя, я вижу в ваших глазах маленькие-маленькие звездочки. скажите, не вы ли спрятали их с неба к себе в глаза?

конечно, малышка не могла ничего видеть и даже предполагать, ведь она не сумела бы даже узнать того, кто стоит в кромешной мгле. и по щекам юной волшебницы потекли слезы.

— да, это я их спрятала. хочешь, опять вместе зажжем?

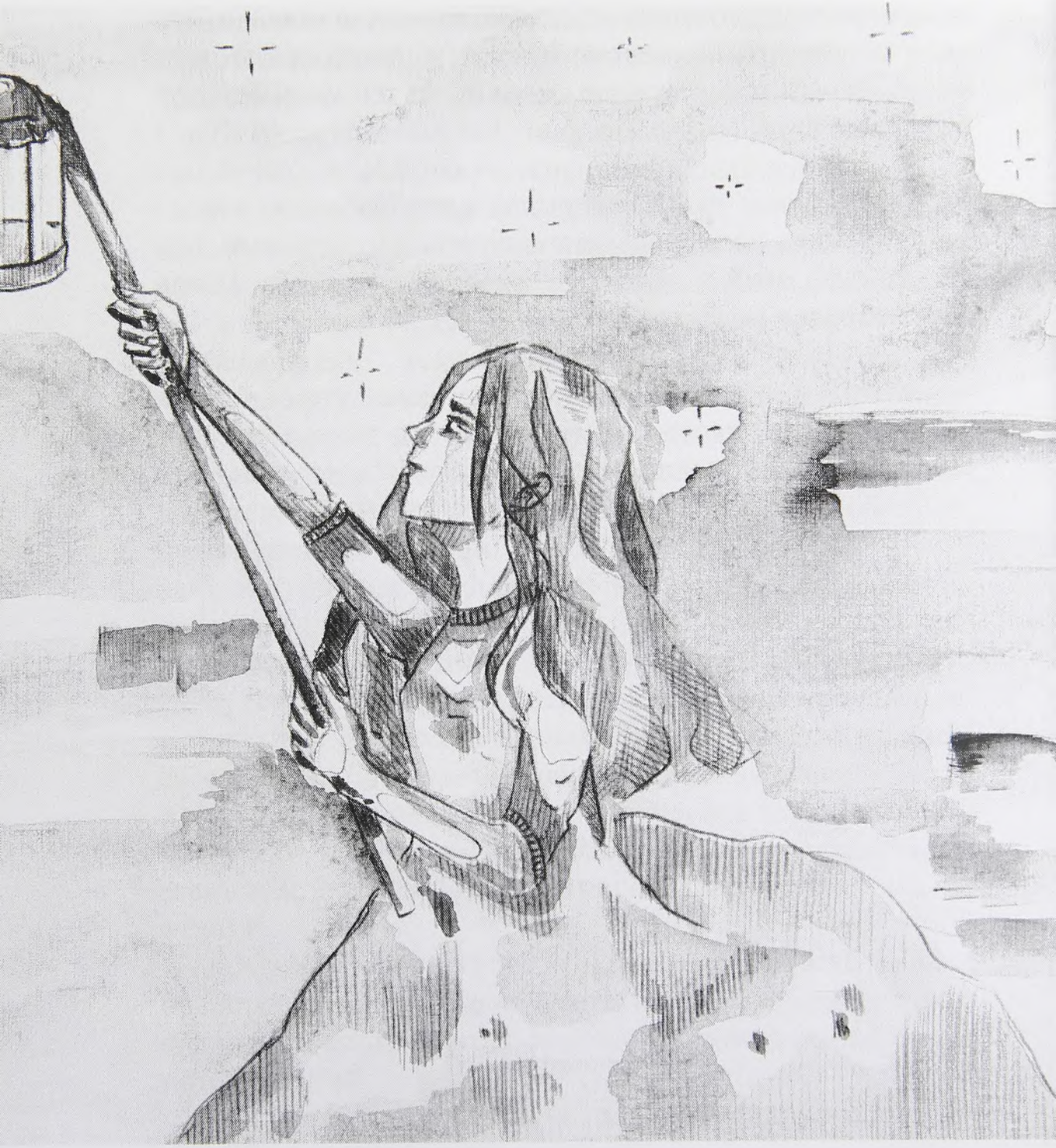
и вновь город, ликуя, увидел полыхающее миллиарда-

ми огней звездное небо. фонарщица объявила потрясенной толпе, что это она зажигает ночное небо, а нашла ее вот эта самая маленькая девчушка. волшебница попросила мэра щедро одарить ее семью, взамен пообещав, что небо ночью отныне всегда будет переливаться сотнями огней, дарящих горожанам надежду на теплое и светлое будущее.

в новогоднее утро я раскрыла своего Набокова и нежно пробежала по шероховатым страницам пальцами. какой-то странный и доселе неизвестный мне карандашный набросок испачкал мои руки.

«а мне приснилось вчера, Сашенька, что я украла у тебя зеленый карандаш. надеюсь, что ты все еще веришь в свои мечты и не перегоришь зажигать звезды»

та самая глупая Ляля.

сказка об очаровательной разбойнице. море

в один из теплых зимних вечеров наступившего года, когда снег за окном, томно и тихо вальсируя в плотном и тяжелом от мороза воздухе, падал на землю, все еще зияющую проплешинами черноватой земли и бурых листьев, я уставилась на магнитик, который прошлым летом привезла с берегов Красного моря. уж так я устроена, к сожалению или к счастью, но посреди зимних развеселых хороводов и новогодних шариков-фонариков я обязательно и совершенно внезапно затоскую о море. у нас с ним, скажу я тебе, отношения очень необыкновенные, живые и полные неподдельной драмы. все как у людей: мы то сходимся, то разъезжаемся, то вспоминаем о наших встречах со слезами на глазах, то не думаем друг о друге целыми месяцами без сожалений; то я предпочитаю его незаменимое общество горам бумажек, дедлайнов и новых проектов, то оно такие цены на встречу с ним заламывает, что уж лучше их вложу в новую писанину, а на него и вовсе плюну до следующего пылающего блеском на воде и отсветами в небе лета. но, честно сказать, иногда неплохо так накатывает.

я начинаю жутко скучать.

на море, согласитесь, жизнь абсолютно иная. и дело даже не в круглосуточной жаре, классических пляжных продавцах самсы и вареной кукурузы и традиционных пятизвездочных «all inclusive»[1] — на побережье время те-

[1] — all inclusive — с англ. — «все включено» — система обслуживания

чет абсолютно иначе. каждый день ощущается всеми его красками и запахами, прочувствывается каждой клеточкой по-настоящему отдыхающей от городской суеты души. все эти сочные персики, полотенца в мокром песке, поцарапанные солнечные очки — все это будто по-своему атмосферно, по-своему уникально, и пусть даже сладкие и истекающие соком фрукты можно достать и в обычном супермаркете у дома, полотенце обвалять в песке на детской площадке, а поцарапать солнечные очки — что легче всего — просто случайно уронив на плавящийся от жары асфальт.

но моя странная болезненная привязанность к морю пустила свои корни еще из детских лет и смутных воспоминаний. одним из самых ярких эпизодов моего детства для меня стало... вручение мне книги. «ага, удивила, конечно. даже открытие Америки так не никого не поразило, как этот неожиданно познавательный факт», — фыркнешь ты, но позволь просто рассказать. это была не просто книга, которую привезла мне моя мама из командировки.

это была книга про русалок.

помнится, именно с неё началось мое масштабное и совсем не по-ребячески упорное увлечение океанской мифологией и историей этих сказочных морских созданий: я искала факты, доказывающие их существование во всех старых и новых научных энциклопедиях моего отца; приезжая в гости к морю, старательно искала на песке заветные отпечатки русалочьего хвоста и его переливающиеся на нещадно палящем солнце чешуйки; я

в отелях, при которой питание, напитки (чаще всего местного производства) и многие виды услуг включены в стоимость проживания.

мечтала быть исследователем манящих своей загадочностью подводных глубин именно для того, чтобы навсегда раскрыть тайну существования русалок миру и, наконец, ответить на вопросы каждого.

каждого, кто все еще верил в самое настоящее, хоть и не совсем сказочное, но все же чудо.

и как я могла раньше не замечать? Дарья, сейчас скрестившая ноги на кресле напротив меня, невероятно похожа на ту самую русалочку из одноименной сказки. считаю свое умозаключение сигналом к действию и, внимательно наблюдая за реакцией своей гостьи, максимально тихо и таинственно начинаю свой рассказ.

— ты сама знаешь, что во времена сумасшедше богатой знати, принцесс и принцев, герцогов и герцогинь, вельмож и королей обязательно, по закону жанра, должны были существовать и те, кто постоянно посягает на их порой совсем несправедливо нажитое имущество, верно? — Даша, уже без всякого язвительного цинизма вникая в мои слова, с готовностью кивает головой и неспеша отпивает несколько глотков свежезаваренного мятного чая, — в печатных сборниках сказок, моя дорогая, тебе расскажут лишь о Робин Гуде[1], а вот я поведаю тебе действительно умопомрачительную историю. так что свистать всех наверх!

много лет назад все океаны, будь они теплые или холодные, находились под строжайшей охраной морских разбойников, а иначе — всем прекрасно известных

[1] — Робин Гуд — популярный герой средневековых английских народных баллад, благородный предводитель лесных разбойников. По преданию, действовал со своей шайкой в Шервудском лесу около Ноттингема — грабил богатых, отдавая добытое беднякам.

из фильмов и книжек пиратов. среди команды наглых, распущенных и ужасно, прошу прощения за абсолютную несказочность моей речи, потных мужчин одного из пиратских кораблей на негодование всем остальным морским грабителям ярко выделялась одна очаровательная пиратка. команда ценила и обожала ее за то, что она была не только невероятно легка на подъем как в амурном, так и дружеском общении, но и за то, насколько бесстрашно рвалась она в битву с врагами полностью наравне со своими здоровыми товарищами, ни капли не жалея себя. женщину на корабле лечили чаще всех, потому что почти в каждой передряге она оказывалась почти что на грани, зачастую балансируя на канате жизни. вскоре на палубе и вовсе пошел слух, что госпожа явно волшебница и забирает смерти своего экипажа на себя. как иначе еще более-менее здраво объяснить то, что за долгие годы их далеких странствий еще ни один пират не умер по причине неудачного ограбления или излишней храбрости в бою?

но однажды все изменилось буквально в один миг. в один ясный солнечный день разбойница, свесив ноги с корабля и задумчиво наблюдая за будто светящимся изнутри зеркалом воды, наслаждалась пока что тихой красотой любимого моря, когда услышала зов одного из пиратов и отвратительный гогот тех, кто все-таки отозвался на него.

пиратка осторожно подошла ближе к источнику звука — мало ли, что у этих беспринципных на уме. то, что она увидела, поразило ее до глубины души.

несколько ее верных товарищей, злобно хохоча, держали на огромном крюке русалку вниз головой. будто бы резной плавник ее прекрасного темно-сиреневого хвоста был проткнут крюком, и из него обильно сочилась светло-голубая кровь. юная сирена еле-еле дышала, изредка издавая измученные стоны.

и даже почти при смерти она была поистине прекрасна. длинный, гибкий, тонкий и сильный хвост отливал под лучами горячего солнца серебром, бледно-синюю кожу пронизывали ветви темных, почти чернильных вен, будто шелковые иссиня-черные волосы слиплись на плечах, а веки трепетали, словно пойманные в ладошку ребенка бабочки.

— ну-ка быстро отпустить! — в своей привычной, но еще более несдержанной манере рявкнула разбойница, — иначе не только еды не увидите, но и весь месяц по ночам драить палубу будете!

боязливо втянув головы в плечи, обидчики беззащитного существа все же освободили водяную нереиду и разошлись по своим пиратским делам.

наступила ночь. женщине совсем не спалось — она все думала о бедной русалке и ее страшной кровавой ране. очевидно, что она просто не сумеет в ближайшее время уплыть, а акул в окрестных водах вполне достаточно. поэтому она, вооружившись предметами первой помощи, тихо собралась и вышла из своей каюты, направляясь к блестящей в свете луны морской глади.

опасения пиратки подтвердились — полностью обессиленная, сирена держалась на воде. позвав ее, преступница быстро и как можно более тихо и незаметно перевязала ей рану. русалка благодарно улыбнулась и сказала женщине просить у нее все, что ей только угодно.

на следующий день неизвестно по какой причине о волшебном спасении сирены знали все пассажиры корабля, и отношение к разбойнице моментально поменялось. пираты, почувствовав всю серьезность оплошности своего капитана, принялись открыто угрожать ей, а на следующую ночь кто-то из экипажа предпринял попытку задушить даму.

отбив неожиданную атаку и спугнув врага, разбойница незамедлительно выбежала из каюты и вновь пришла

к русалке.

утром нового дня след пиратки простыл, будто ее никогда и не было здесь, на этом корабле.

много домыслов ходило о причине исчезновения женщины: кто-то был уверен, что она утопилась с тоски; другие утверждали, что ее тело растерзала акула; третьи доказывали, что она, сумевши помочь сирене, и сама стала ею же и теперь вместе со своим новым «хвостатым племенем» рассекает океанские просторы.

но самым поражающим в этой истории была даже не загадочная пропажа пиратки. в скором времени на корабле, один за другим, начали погибать бывшие ее товарищи: кто от болезни, кто из-за неудавшегося наступления на знать, кто из-за нападения акул.

легенда об очаровательной разбойнице разнеслась по всей округе и обрастала все новыми и новыми подробностями.

— ну тогда в чем ее поучительность, раз уж она так популярна? — перебивает меня рыжая.

— поучительность? никогда не осуждать искреннее милосердие. ну и не брать женщин на корабль, конечно. и рыб слишком больших не ловить. очевидные же факты.

сказка о юном птичнике. февральские голуби

январь, топая тяжелыми меховыми валенками и отключая за собой будто бы бесконечные гирлянды и новогодние уличные фонарики, неспеша уходил вдаль, даже не оглядываясь. поразительно, но рождественская атмосфера отличается тем, что от нее совсем скоро отвыкаешь и совершенно безболезненно с ней прощаешься, но, тем не менее, где-то глубоко-глубоко в душе и в летний зной, пахнущий будто горящими травами, и в весеннюю лихорадку, кричащую о себе яркими фейерверками сирени на улицах, и в неторопливую осеннюю меланхоличность, освещенную последними холодными солнечными лучами, помнишь об аромате зимнего глинтвейна и более прозаичном оливье на завтрак, обед и, конечно же, ужин с гостями.

тихо и, как всегда, незаметно на цыпочках за январем крался ледяной петербургский февраль. без преувеличений, этот месяц в нашем городе отличается особо лютыми морозами, будто зима, гневаясь на цикличную победу свежей юности весны над ее белоснежными злыми буранами, старается напоследок выкинуть что-то действительно запоминающееся. на самом деле очень жаль, что она не может аргентинское танго, например, станцевать или маракасами смешно пошуршать, а только уже надоевшими всем снежинками все плюется да ветрища с разных концов света в один-единственный город сгоняет.

но знаешь, меня, как человека творческого, волновала не всякая там романтичная февральская атрибутика, согревающие объятия любимого человека после морозной прогулки в двадцати шарфах и пяти колючих свите-

рах и горячий черный чай с лимонными дольками в сахаре. ладно, нагло тебе вру, конечно, это все до дрожи в коленках волновало. особенно объятия.

но вот птицы, думала я день за днем, не в силах выкинуть навязчивую мысль из головы, вынуждены помышлять о гораздо более, как иронично бы не звучало, приземленных вещах и самых низменных потребностях.

я очень люблю круглогодично ходить в наш соседний парк на длительные прогулки. особенно часто это случается, конечно, летом — едва сумев выползти из постели под натиском любимого кота, мирно посапывающего на моей груди, я вооружаюсь термосом с кофе, завязываю небрежный пучок на голове под кодовым названием «взрыв на макаронной фабрике» и, натянув неуклюжие протертые джинсы вкупе с рубашкой от пижамы, шагаю в сквер и наблюдаю за началом нового дня. больше этого я люблю только кормить наших парковых голубей, поэтому никогда не забываю взять для них что-то особенно вкусное. Котангенс, скажу я тебе, страшно ревнует и до сих пор.

а сегодня, зная, что наступление холодов может моментально убить огромное количество птиц, я сделала себе крестик на ладони на память: накормить всех, кого только возможно и рассказать Дарье сказку, благодаря которой я так трогательно и нежно люблю пернатых, не заботясь о ненависти к ним других.

— что? — непонимающе и даже как-то брезгливо смотрит на меня рыжеволосая, нахмурив брови и от возмущения даже громко поставив чашку с крепким кофе на столик между нашими креслами, — как ты вообще можешь хотя бы положительно относиться к этой расплодившейся мерзости, не то что любить? она выкосила с четырнадцатого по двадцатый век миллионы людей[1],

а ты ходишь кормить ее в парк, да еще и всякими вкусностями?!

— а теперь послушай, — перебиваю ее я, конечно же, готовая к подобного рода резким высказываниям, — обещаю, хоть в этой сказке ты их полюбишь. иначе не действует.

— когда-то давно, в волшебном городе на воде, и по сей день пленящим народ от мала до велика своей величественностью, масштабностью и красотой, в Венеции жил простой художник. у него была прекрасная, крепкая и дружная семья: красавица-жена, бывшая его бессменной музой и помощницей во всяких начинаниях, чудесный, кроткий и прилежный сын, уважающий и любящий своих родителей всем сердцем, да еще и собиравшейся пойти по стопам отца и продавать уже свои картины в семейной лавке. художник был невероятно счастлив и радовался буквально каждому дню, пока не наступило одно утро, воспоминания о котором еще долго леденили его кровь.

они узнали, что мать семейства смертельно больна и жить ей осталось чуть меньше месяца. убитые горем, отец и сын, тем не менее, изо всех сил старались выглядеть веселыми и беззаботными, не желая омрачать и без того невероятно тяжелые последние дни женщины тоской, скорбью и слезами. художник бросил свою работу и все время находился с возлюбленной, даря ей заботу и тепло. она умерла в своей кровати в окружении искренне любящих ее людей со счастливой улыбкой на побледневших губах.

художник был полностью сломлен. он не знал, как

[1] — голуби известны как переносчики чумы.

будет жить без нее и встречать каждый день с этой болью в душе. вернувшись после похорон, он заперся в своей мастерской и долго плакал навзрыд, пока не увидел около своего окна прекрасную белую голубку.

на самом деле, общество птицы разозлило его только еще больше, и он прогнал ее с подоконника. однако, и в следующие несколько дней ситуация повторилась: голубка в одно и то же время прилетала к мастерской и оставалась около окна до самой ночи. художник, сначала предполагавший, что сходит с ума, вскоре приноровился к ежедневным визитам птицы, начал впускать ее в свою обитель и даже полюбил ее. голубка скрашивала его полные печали тянущиеся годами дни, да и он видел в ней нечто вроде перерождения души своей покойной жены.

со временем он всерьез задумался об этом. эта мысль буквально сводила его с ума. он не мог перестать предполагать, что голубка — это и есть его дорогая возлюбленная, и однажды сын художника нашел своего отца мертвым в его же мастерской. было очевидно, что он наложил на себя руки.

скорбящий юноша решил продолжить дело своего отца и поэтому пропадал в его втором доме с картинами почти днями. и — о чудо! — к его окну начали постоянно прилетать два белых голубя. они нежились у его окна, словно настоящие возлюбленные, обретшие друг друга после невыносимо долгой разлуки. сын любил долго смотреть на них и, подобно отцу, начал думать, что прекрасные птицы — это переродившиеся души его родителей.

именно поэтому он незамедлительно начал строительство голубятника. он был готов в самые кратчайшие сроки. слеталась туда, без преувеличений, вся голубиная округа, а два белых голубя сидели, без всяких сомнений, на главных местах.

юноша рос, развивался, совершенствовался и становился абсолютно уникальной личностью, при этом ежедневно навещая свой всегда чистый и полный корма для птиц голубятник. а когда ему посчастливилось отыскать ту самую, он привел ее в птичий дом и, с улыбкой показывая на пару голубей, познакомил ее:

— а это мои дорогие мать и отец.

— а будет у какой-нибудь сказки по-настоящему классический конец? — коротко вздыхая, вопрошает Дарья.

— это он. и жили они долго и счастливо, и даже умерли в один день, превратясь в еще одну пару прекрасных белых голубей. и да, они нас там в парке уже заждались, так что булочки в руки и бегом!

сказка о несчастном драконе. кармен

— о, Саша? все же Питер? это что, правда ты?

тяжело вздыхаю и стараюсь разобрать знакомый голос за спиной. нарочито медленно и как можно более незаметно поправляю прическу — ага, волосы все же мыла — надеваю широкую улыбку, готовясь неспеша и вальяжно повернуться на сероватой подошве черных кед. аккуратно одергиваю зеленую юбку в цветочек, прикрывая разбитые в очередной погоне за Котангенсом коленки — а что нам, элегантным дамам.

именно так начинаются утренние неприятности. с подозрительно странных голосов и заваливания глупыми вопросами.

все же весьма храбро оборачиваюсь и, заливаясь румянцем, млею от прилива ностальгии и тихой радости.

здравствуй, моя Кармен из прошлой жизни.

она все так же, как в былые времена, смущенно улыбается и молчит.

— конечно я. привет, Карменсита.

— до сих пор передергивает, когда вспоминаю, что ты меня так называла, — девушка, ставшая за годы без наших встреч еще более прекрасной, прикрывает пухлые малиновые губы ладонью и посмеивается.

ну а теперь, конечно, разбор полетов — как я могу тебя, дорогой мой слушатель, оставить без пояснения о та-

инственной Кармен? знаешь, о ней ведь действительно стоит узнать побольше.

да, все гораздо проще, чем тебе могло казаться. Карменсита — оставлю сие имя для поддержания совершенно сказочной и загадочной атмосферы — в совсем давние времена была моей одноклассницей. девочкой, с которой мы просидели за одной партой невероятное количество времени и которая менялась на моих собственных глазах. я дала ей столь необычное прозвище достаточно просто — когда-то мне довелось увидеть ее, по-неземному красивую девушку с чуть смугловатой кожей, идеальными формами и жгуче-карими глазами с кроваво-красной розой в ее длинных и блестящих, словно шелк, темных волосах. мне казалось, что стоит ей лишь надеть струящееся атласное платье, развевающееся на ветру — и мы совершенно внезапно окажемся на улочках жаркой Испании, и проходящие мимо нас, таких неотразимых señoritas[1], юноши будут одаривать нас свежесорванными апельсинами и звать посмотреть корриду сегодня вечером.

увы, моей дорогой протеже это темпераментное имя не пришлось по вкусу.

как и тому, кому, к несчастью, какое-то время принадлежала ее знойная красота.

они были той парой, на которую равняются и которую проклинают с душащей зависти. очаровательная Кармен, лежащая на груди абсолютно противоположного ей по внешности, но столь же красивого молодого человека вызывала у каждого почти слезы умиления и прак-

[1] — с исп. — «сеньориты». здесь — «сеньорит».

тически безоговорочную веру в счастливое будущее их любви. такие счастливые, такие инь и янь — я уже зарезервировала роль свидетельницы на их свадьбе.

и теперь представь, какое потрясение я испытала, услышав от Кармен, что они больше не вместе. по какой причине?

— ну, он мне надоел, — признается девчонка, облизывая чупа-чупс со вкусом энергетика и беззаботно глядя на палящее солнце, — жалко его, конечно, но что я теперь могу сделать.

Карменсита перенесла это расставание легко, на следующей неделе зарисовывая сердечки с новым именем в своей толстой сиреневой тетради по алгебре.

что я точно не могу сказать о ее бывшем возлюбленном.

через пару месяцев я встретила его совсем другим. он был словно своей темной версией, черным двойником, отражением демонов, что прятались у него внутри. не осталось и следа того забавного доброго смеха, что так веселил Кармен — диковато-злой оскал чарующего злодея из какого-нибудь супергеройского фильма. только вот ни капли не тянуло в него по уши влюбиться, как в одного из последних.

— никогда в жизни не поверю, что принцесса сумела бы убить дракона без какого-либо оружия и толстенного металлического принцевского обмундирования, — категорично заявляет Дарья, покачивая ногой и снова готовясь к долгожданному (потому что весьма редкому из-за моего вечного каменного спокойствия) спору с сумасшедшими убеждениями моей бредовой головы, — послушай, не зря же люди патриархат возвели на самую высокую ступень взаимоотношений женщины и, — она

запинается, — в нашем случае, мужеподобного существа. нет, не перебивай, ты только послушай...

жестом руки останавливаю свою бунтующую слушательницу и вновь погружаю ее куда-то в неведомые края.

— как и всегда, далеко-далеко, почти на самом конце мира, в неизвестном царстве-государстве жила одна принцесса. принцесса она была, собственно, ничем особо не отличающаяся от королевских сказочных особ своего возраста — так же прекрасна, как самая пышная чайная роза в королевском саду, юна, как первый робкий подснежник, златовласа, как самая спелая пшеница, собранная во владениях ее отца-короля. она была очень умна, имела множество талантов — волшебно играла на любом музыкальном инструменте, пряла, вышивала, пела, словно соловей на клюквенном рассвете. конечно, в перерывах между всеми этими занятиями хихикала и шушукалась с горничными и своими помощницами о свежайших сплетнях царского двора — как это еще без этого, девчонка ведь.

Дарья выразительно возводит глаза к потолку.

— ну хорошо-хорошо, отвлеклась. так вот, была она, в общем, восхитительным и на редкость одаренным человеком, и король не мог нарадоваться своему счастью.

но вот однажды случилась страшная беда. принцесса совершенно неожиданно пропала.

триста тридцать три дня искали девушку, но так и не нашли. все королевство страшно скорбело по уже, кажется, погибшей принцессе. король ужасно исхудал и даже перестал походить на человека. всех жутко подкосила эта потеря, прогремевшая, словно гром среди ясного неба.

а в это время девушка сидела в заточении у дракона.

дракон, должна сказать, очень давно был влюблен в прекрасную принцессу. он восхищался ей и каждую ночь видел ее во снах — и вот, наконец, ему представилась возможность сделать принцессу только своей.

он долго-долго разрабатывал план кражи девушки, обустраивал свою хмурую башню под характер и нравы объекта своего обожания. а после прибытия девушки в башню он окружил ее всем, что она только могла пожелать, и даже большим — вся башня была только в ее лишь распоряжении, а всякого принцессевского барахла там было в разы больше, чем в ее родном доме, королевском замке.

но только вот ничто не могло утешить маленькую принцессу — ни теплая забота влюбленного дракона, ни все его бесчисленные подарки. грустила она, не вставая со своей пышной огромной постели, тая на его глазах день ото дня.

и вот дракон, не выдержав зрелища ее горьких страданий и боящийся убить свою возлюбленную, дрожащими лапами открыл розовые (любимый цвет принцессы) ворота своей башни и сказал ей, что навсегда отпускает ее.

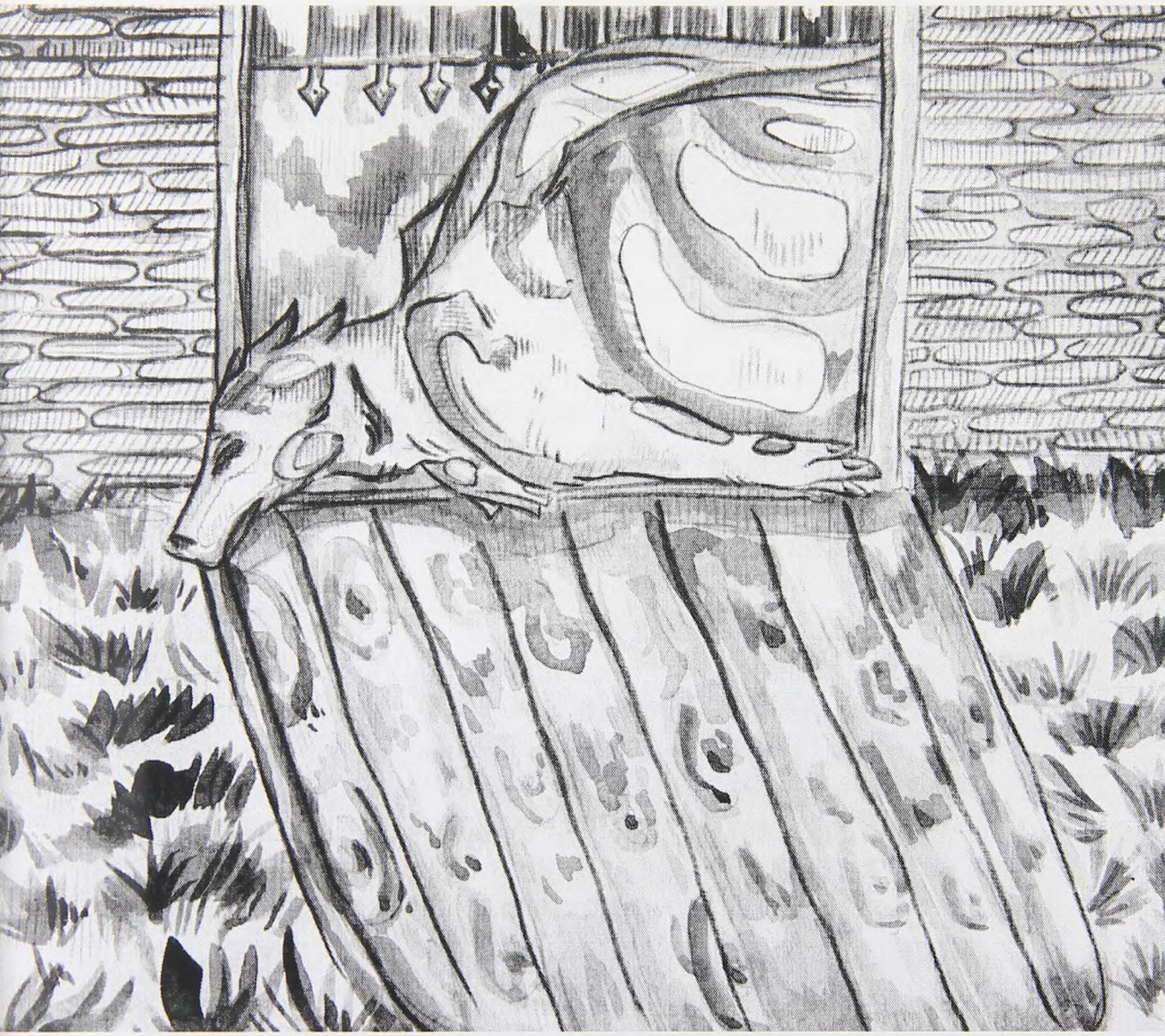
счастливая принцесса, не поверив, переспросила. огромные чистые слезы покатились на шершавую чешую дракона.

— иди, дорогая принцесса, пока не передумал.

и выпорхнула девушка, словно пестрая бабочка, за ворота места своего заточения.

а сзади нее, погибший от страшного горя неразделенной любви, лежал огромный дракон.

ты все еще веришь, что принцесса не может убить дракона?

сказка о влюбленном рыцаре. кровавые закаты

начну я крайне неформально. очень коротко, веско и емко — то бишь, очень непривычно для меня, неуемного и неутомимого фантазера со стажем в жизнь.

хочешь вот самый секретный секрет о достопримечательностях Санкт-Петербурга непосредственно от местного, а? не нужно тебе тратить деньги на какие-то дорогущие экскурсии по каналам рек, не стоит заказывать в музеях гидов, абсолютно бесполезно с нарочито умным видом ходить около Петропавловки или Спаса на Крови. хочешь увидеть Питер и всю его поднаготную глазами его коренных жителей? все крайне просто.

смотри на его закаты.

эти закаты, представь только, провожали в гораздо более справедливый и честный мир рабов, воздвигавших этот столь неоднозначный город своими кровью, потом и костями. эти закаты встречали восхитительных напомаженных дам в кринолинах в их небольших садиках за фарфоровой чашечкой ароматного травяного чая. эти закаты стучали в окно молодым революционерам в коричневых костюмах, жаждущим перевернуть планету с головы на ноги и заново возвести новый мир, каких бы жертв это не стоило. эти закаты дарили тихую, еле-еле искрящуюся и дымящуюся лучинку надежды замерзающим и голодающим детям Великой блокады, вынужденным научиться ненавидеть и выживать, а не любить и жить. эти закаты слушали надрывы шелестяще-томно-

го джаза и кричаще-вызывающего рок-н-ролла, слушали и приторный щебет ярких пар, рискующих получить выговор за подражание ядовитому веянию «стиляг», и стеклянный голос громкоговорителя, сообщающий о начале очередной бомбардировки. эти закаты видели смертельные перестрелки в закоулках непроходимого лабиринта бесконечных дворов и открытых парадных. эти закаты и по сей день разливаются кроваво-красным заревом над темнеющими где-то вдали острыми шпилями и мрачными башнями гигантских построек.

все, что тебе необходимо — просто сесть и смотреть, думая о том, сколько поколений видело эти закаты с тотально разными чувствами. желательно на какой-нибудь весьма уютной крыше. можно с кофе, чтобы ночью отправиться на поиски приключений, можно с любимым человеком, чтобы единым порывом полюбить его в разы сильнее. можно даже с любимым котом, как я на данный момент.

закаты расцветают малиновыми пионами, горят алыми розами и медленно опадают в черноту небес осенними листьями цвета бордо. я наблюдаю за этим зрелищем каждый раз почти с придыханием, хотя их уникальное и ни с чем не сравнимое шоу я посещаю уже далеко не в первый раз. не могу оторвать глаз и сейчас. Котангенс, зарывшийся в моих ногах, поет, откровенно фальшивя, дуэтом с завывающим ветром какую-то странную песню, аккомпанементом к которой служит мерное постукивание дождя по крыше и гул детей, которых уже давно не пугают даже самые сильные ливни.

и в этот самый момент до смешных, до глупых беспричинных слез начинаешь понимать, насколько жизнь, оказывается, искусная рукодельница. наши судьбы — это

всего лишь тонкие нити ее огромной разноцветной вышивки, над которой она неустанно работает днями и ночами. вышивки, в которой каждое переплетение и расхождение нитей не только неслучайно, но и необходимо, чтобы каждая нить прошла свой неповторимый, правильный путь, пускай иногда даже и в одиночку.

а какие разные эти нити бывают, правда? какие-то очень похожи по цвету — их жизнь сплетает воедино, и их узор — это именно то, что мы называем нашей семьей. какие-то сталкиваются на вышивке совершенно неожиданно и идут, крепко свившись, сквозь всю ее ткань единой дорогой, несмотря на то, сколько на изнанке из этих двух нитей образовалось путаниц и узлов — это наша любовь. какие-то такие разные, такие другие, да и сплетаются редко, но все равно почти всегда рядом — это наши друзья и близкие люди. какие-то жизнь обрывает сама, какие-то путаются и рвутся сами. какие-то невероятно длинные, а какие-то очень коротки. какие-то переплетения расходятся в разные стороны, а какие-то после соединения остаются вместе до самого конца. какие-то где-то в уголке картины, а какие-то — в самом центре.

и тогда осознаешь, насколько красива и верна каждая встреча и каждое расставание в наших жизнях. ведь если нить пересеклась или разошлась с другой, значит, она создала нужную для вышивки деталь, верно? короткая или длинная, яркая или тусклая — каждая нить важна для этой потрясающей картины, как каждый из нас нужен этому миру, этой планете, этой вселенной в равной степени.

— а ты умеешь быть чуть менее сентиментальной? — растроганно улыбается мне Даша, наконец выслушав все

мои эмоциональные рассуждения о петербургских закатах и жизни-швее, — я бы в жизни не додумалась до таких отдаленных философских мыслей, если просто смотрела бы на самый обыкновенный закат. ты, случаем, не перерождение какого-нибудь Сократа[1]?

еле слышно смеюсь. Котангенс впервые прыгает на колени к моей уже постоянной... посетительнице. больше клиенткой ее даже в мыслях язык не поворачивается назвать. не привязываться, не привязываться, не привя...

— сказка про закат, да? — рыжая бессовестно вырывает меня из очередного топкого болота моих собственных мыслей.

— про закат. точнее, как он появился, — глубоко вздыхаю и прикрываю глаза.

— когда-то очень давно, когда на землю освещало днем и ночью лишь яркое-яркое солнце цвета ранних одуванчиков, на свете жил храбрый-прехрабрый рыцарь. он повидал бесчисленное количество королевств, сражался во многих всемирно известных битвах, сменил немало преданных скакунов и доброго оружия. в своих кругах он слыл непобедимым противником, за что был очень уважаем и ценим как и верными товарищами, так и злейшими врагами. он имел значимый чин и всегда на совесть выполнял любое данное ему поручение, даже самое сложное и опасное.

[1] — Сократ — древнегреческий философ, учение которого знаменует поворот в философии — от рассмотрения природы и мира к рассмотрению человека.

конечно, за свою долгую жизнь он встретил, наверное, столько прекрасных женщин, сколько не растет потрясающе красивых цветов на свежем лугу. он позволял себе многое: и влюбляться без памяти, и поддаваться самым немыслимым страстям, и использовать привязанность красавиц в своих личных целях. однако, ни с одной девушкой его закаленная в боях душа не захотела остаться навсегда, разделить все свои беды и радости.

однажды поручили ему задание — наладить отношения с народом лесных эльфов, живущих в самой глуши волшебного леса. он взялся за это дело с большим энтузиазмом и, сев на своего бурого коня, поскакал в самую чащобу.

и вот, бесстрашно одолев множество опасностей, подстерегавших его в волшебном лесу на каждом шагу, он уже торопливо шел на аудиенцию к королю.

рыцарь, преклонив голову перед королем, внезапно потерял дар речи. рядом с правителем скромно стояла его дочь неземной красоты — длинные волосы цвета воронова крыла, отливающие на солнце, прекрасные и чистые голубые глаза, бледная кожа и легкая, совсем невесомая поступь. рыцарь влюбился в прекрасную эльфийку с первого взгляда, и потому решил остаться в королевстве эльфов.

шли месяцы. он все так же жил у гостеприимных лесных обитателей, и за это время принцесса эльфов и рыцарь полюбили друг друга без памяти. король не мог насмотреться на восхитительную пару и с радостью помогал им со свадебными хлопотами.

однако, начальство рыцаря, узнав о о том, насколько удачно сложилась его судьба в чужом королевстве, приказало рыцарю убить его короля и тем самым отдать лесное царство во власть людей. долго думал рыцарь о том, что ему делать, и в конце концов решил, что не может ослушаться приказа. он замаскировался под странника-

разбойника и убил короля эльфов во время того, как он спал.

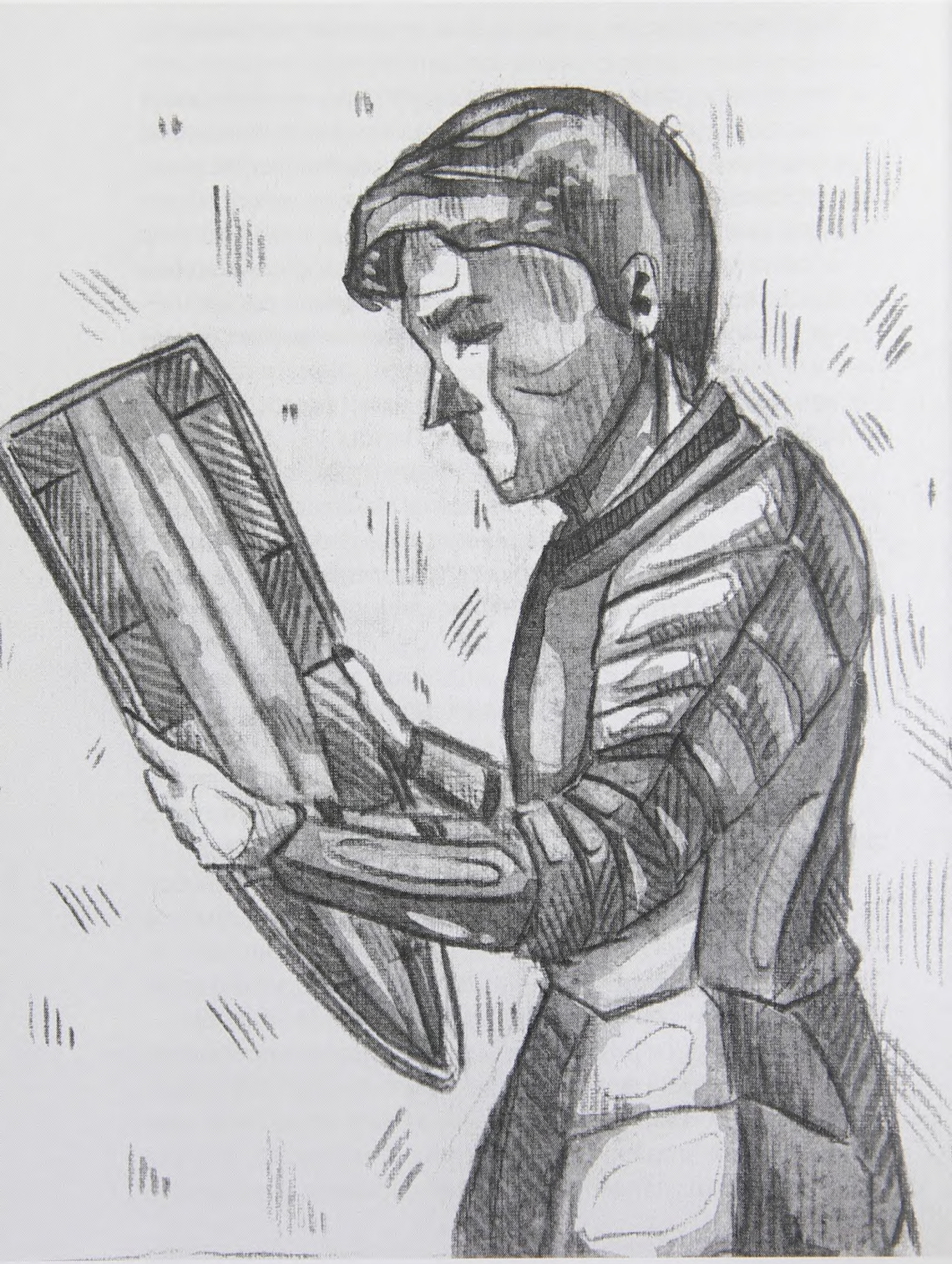
принцесса, став невольным свидетелем столь ужасной сцены, сразу узнала в убийце своего возлюбленного и убежала в слезах. понял рыцарь, какую беду сотворил, и долго слезно умолял любимую появиться, чтобы он мог объясниться и попросить прощения.

и однажды прекрасная девушка вняла его просьбе. холодная и недоступная, она сказала, что больше не может и не хочет любить его, однако дарует ему возможность видеть ее ровно раз в день. для этого он должен наносить себе кровавые раны, тем самым расплачиваясь за каждую пролитую каплю крови ее отца.

влюбленный рыцарь без раздумий согласился. и до сих пор мы ежедневно видим на небесах, как яркое солнце — рыцарь — своей кровью, растворяющейся в синей лазури, призывает свою возлюбленную — прекрасную сияющую луну, растрепавшую свои длинные черные волосы по всему небосклону.

какое-то время мы обе молчим, потупив взгляды.

— научи меня смотреть на мир широко распахнутыми глазами, — говорит Дарья, — я тоже хочу видеть в простых вещах настоящие чудеса.

сказка о милосердной смерти. фраза из детства

однажды в детстве мама сказала мне одну очень страшную фразу.

мне тогда было лет десять. а что такое десять лет, собственно? это бабушка, делающая любимые куриные отбивные с макаронами в старенькой кухне, в которой каждое утро надрывно кряхтит старенькое радио; это мама и папа, смеющиеся с очередного выпуска КВН[1], когда ты и понятия не имеешь, чего в шутке-то, однако, хоть капельку забавного; это полное непонимание, почему родители не хотят дарить тебе на день рождения настоящего коня, который бы так уморительно фыркал и кушал яблоки, если у вас есть гараж и он без всяких проблем может служить стойлом; это долгая простуда, во время которой ты боязливо крадешься к компьютеру, чтобы успеть сыграть в любимые игры про Барби[2], пока мама не пришла после работы домой; это удивительное время, когда ты действительно веришь, что папа поставил в вашей квартире видеокамеры и искренне не понимаешь, каким образом он умудряется узнавать, что ты в очередной раз без спроса посмотрел телевизор. это та-

[1] — Клуб Веселых и Находчивых — популярные юмористические игры, в которых команды различных коллективов (учебных заведений, вузов, предприятий и т.д.) соревнуются в импровизациях на заданные темы, разыгрывании заранее заготовленных сцен, остроумных ответах на вопросы и т. д.

[2] — Барби — детская игрушка, кукла, преимущественно для девочек от 3 до 14 лет.

кое удивительное время, когда ты вообще во что-то веришь, а в моем случае — во все, что сказали папа с мамой и что есть в толстенных и тяжеленных семейных энциклопедиях.

меня растили, знаешь ли, тепличным желтеньким цветочком, не знающим ни бед, ни горя, ни того, как они хотя бы приблизительно выглядят. до сих пор не могу осознать для себя, было ли это решение со стороны моих родителей единственно правильным для моего воспитания. с одной стороны, естественно верно, конечно же правильно. счастливое детство, полное радостных воспоминаний, кумиров в виде собственных мамы и папы, разноцветных игрушек и книжек должно быть у каждого — мало ли, какие дороги судьбы ждут человека за поворотом родительского дома. по другую сторону баррикад — такое болезненное для меня вхождение во взрослый мир и ознакомление с его суровыми законами, одинаковыми, оказывается, для всех и каждого. жизни-то все равно, кто ты такой, чем дышишь и чем живешь — она имеет на тебя свои личные планы.

особенно суровым законом стал для меня закон смерти. мама сказала мне... что ей давно уже совсем не страшно было бы умереть.

помню, как это выбило меня из колеи. как можно не бояться смерти? это же, наверное, очень-преочень больно! это же до дрожи в коленках страшно! это же абсолютно несправедливо! как так может случиться, что кого-то когда-то не станет?

еще помню, как судорожно уцепилась за маму с огромными и чуть влажными от накативших слез тревожного страха глазами. это был тот самый момент, когда

я впервые поняла, что ничто в этой жизни не может быть настолько невечным, как чья-то жизнь.

и, будто специально, судьба постоянно на примерах доказывала мне справедливость моего суждения, к которому, по случайному стечению обстоятельств, я пришла так рано. каждый из них шокировал меня так сильно, что на возвращение в реальность тратились чуть ли не недели — я все никак не могла понять, почему человека, с которым здоровалась и разговаривала о погоде во вчерашнем дне, так совсем внезапно и нечестно нет в сегодняшнем.

а потом поняла, в чем на самом деле кроется разгадка. все до смешного просто. нечестно в этой ситуации то, что мы наивно полагаем, что в этом мире ничто не имеет конца.

мой рыжий ночной гость сегодня была как-то особенно задумчива. привычно сбросив в прихожей свой кислотный рюкзак, на котором в последнее время повадился лежать мой Котангенс, она неторопливо вошла в мою комнату и присела на кресло, даже не поинтересовавшись о готовности своего чая.

— хочу сегодня сказку без счастливого финала, — безапелляционно заявляет мне Дарья, — я слишком позитивно начала смотреть на мир, не к добру это.

— как сказка и без хэппи-энда? — вопрошаю я, нахмурившись.

— жизнь зачастую без него. да и тебе уже пора в реализме свои силы попробовать.

невесело смеюсь и снова закрываю глаза. циклично.

— давно-давно, когда люди не знали, что такое медицина, уколы и операции, а то и дело лишь молились богам о своем выздоровлении и сохранности жизней своих близких, в одном небольшом поселении жил молодой лекарь. был он не каким-то самозванцем или шарлатаном, а был человеком, действительно досконально знающим свое нелегкое дело — дар лечить даже самые тяжелые людские заболевания ему достался от тетки, которая и учила его всю жизнь абсолютно всем аспектам врачевания: начиная от накладывания противолихорадочных припарок и заканчивая куда более серьезным и опасным кровопусканием.

прославился знахарь на всю деревню — часто бывало, что ему даже приходилось успешно спасать людей от смерти. слыша лишь одну похвалу со всех сторон, зазнался юноша, посчитал себя почти что Богом, владеющим силой управлять чужими жизнями.

и вот однажды пришла к нему во сне сама Смерть. страшная такая, с косой и костлявыми пальцами.

— идем, — говорит обыденным тоном, — твой черед пришел. отсрочки не принимаются, посмотреть еще раз, не перепутала ли я имя из списков будущих ушедших не предлагать. добровольно сдашься или побеседовать о чем-то хочешь? у нас тут традиция такая — передо мной на любой волнующий и очень важный вопрос точный ответ получать.

— за мной? — захохотав, отвечает знахарь, — рано ты, старая. я жизни других из твоих лапищ ужасных вырываю, а ты думаешь, что сам тебе так просто себя, молодого и полного сил, вручу?

поразила Смерть такая наглость и решила она выслушать, чего хочет юноша.

— спорим, что я все равно сумею от тебя сбежать и тогда, когда ты в следующий раз в мою дверь постучишь? — говорит с азартом врачеватель, — ты же слепа да

глуха, а я еще хоть куда!

— спорим, — отвечает Смерть, — даю тебе отсрочку. только смотри, с кем торгуешься — все равно тебе в этом пари не одержать победы.

— небось и двери нужной не отыщешь, — все смеется юнец, — до встречи, немощная!

шли годы. смерть ходила рядом с молодым человеком, поджидая нужного момента, чтобы наказать его за свою дерзость сполна. и вот встретил лекарь любовь всей своей жизни — прекрасную девушку, которой не был достойной партией, но которую любил всей своей душой. глядела Смерть на это и замечала, что юноша исправляется на глазах — становится добрее, мягче. он больше не задирал нос и помогал людям совсем бескорыстно, не жаждая ни славы, ни вознаграждений за свой нелегкий труд.

но вот смотрит Смерть в свой список тех, кому уже пора в мир иной — и видит там любимую знахаря. прослезилась Смерть, но делать нечего: в назначенный день и час скончалась девушка от внезапной болезни, которую не смог вылечить даже ее возлюбленный.

стало старухе жаль юношу. хотела она даже простить ему его должок, но свыше сказали, что такую наглость на небесах прощать не принято. поэтому решила она смягчить его участь.

и вот раздался в доме знахаря ожидаемый стук.

— ты ли это, дорогая моя Смерть? — спросил юноша, прежде чем открыть дверь.

— нет, это я, любимый, — услышав столь родной и знакомый голос, знахарь, позабыв все на свете, моментально отворил.

перед ним стояла его возлюбленная, окруженная будто ангельским свечением. она была будто бы еще красивее, чем при жизни — струящиеся водопадом светлые волосы, кристально-чистые голубые глаза, легкая улыбка

на бледных устах.

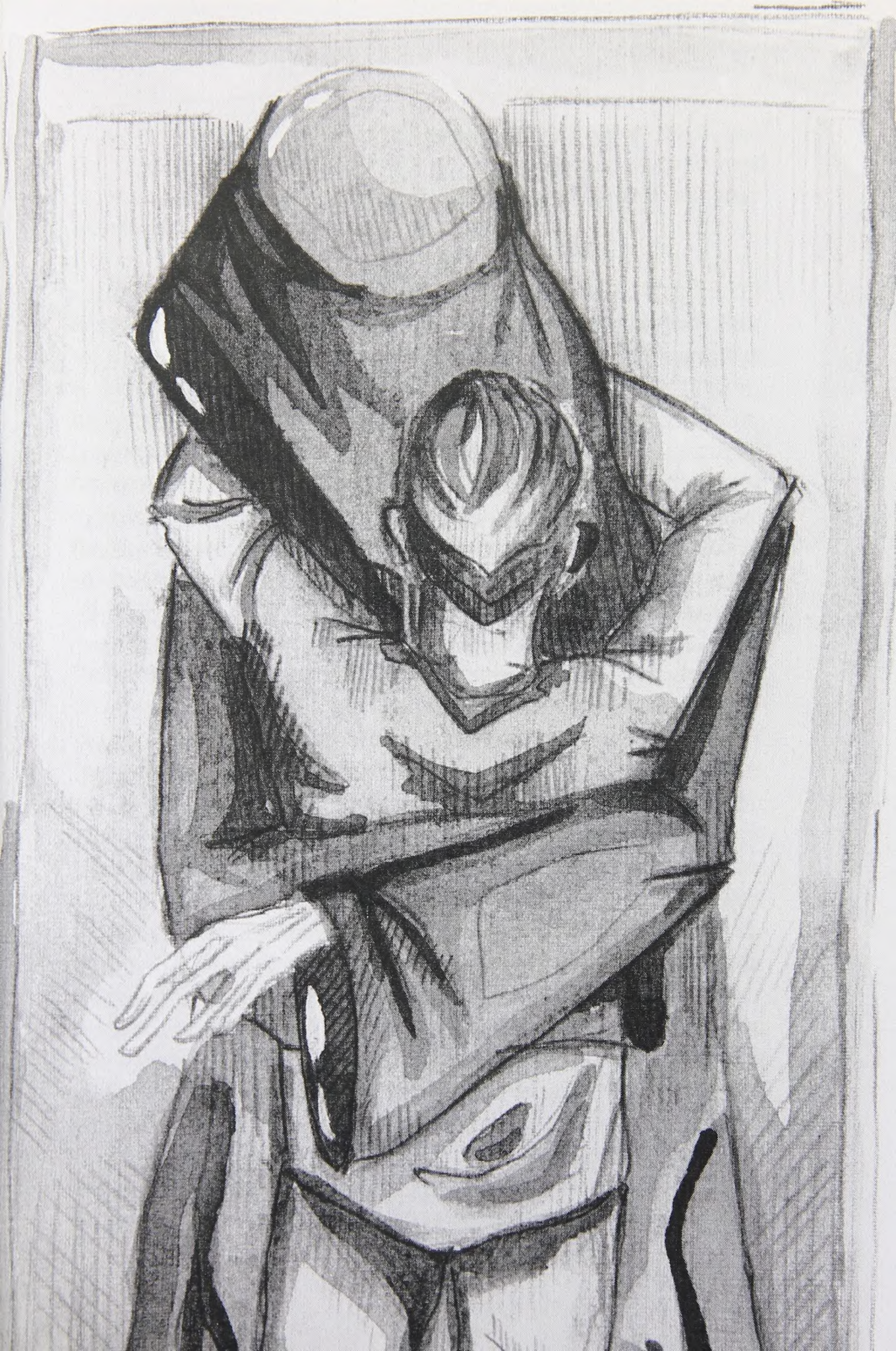
— я так соскучилась, мой милый, — она протянула к нему руки, трогательно склонив голову, — иди скорее ко мне. я так сильно хочу обнять тебя!

и юноша бросился в эти объятия без раздумий. ему было все равно, мираж это или мистические видения — он так сильно любил эту девушку, что любая возможность увидеть ее наяву и прикоснуться к ней была для него желаннее, чем все сокровища мира.

Смерть ласково обняла его и тихонько вздохнула. через секунду в ночной тиши не осталось ничего — ни молодого лекаря, ни его покойной возлюбленной. лишь легкое дуновение ветра и скрип открытой двери.

Это абсурд, вранье:
череп, скелет, коса.
«Смерть придет, у нее
будут твои глаза»[1]

[1] — отрывок из стихотворения Бродского И. А. «Натюрморт».

сказка о бескрылом ангеле. жемчуг

хочешь, расскажу тебе о том, что мне снилось сегодня? только это большой-большой секрет, так что, пожалуйста, никому не говори. даже маме. обещаешь?

знаешь, для меня сон и сновидения — это что-то совсем уж личное и сокровенное. да, можешь возмущаться, удивляться, крутить пальцем у виска или смеяться от абсурдности сказанного, если не понимаешь моего странного и почти необоснованного возношения сна на пьедестал интимности. мало кто находит этому хоть какое-то оправдание, но я постараюсь тебе объяснить. может, станешь приверженцем моей теории. ну что, чай наготове? история будет длинная.

как думаешь, в каком состоянии мы наиболее уязвимы? когда нашему телу больно? может, когда кровит душа? когда она, напротив, превращается серый пустой гранит? когда обыденность поглощает разум, полностью лишая его идей и амбиций? или когда трезвого разума и вовсе нет?

а может, в состоянии, когда мы утрачиваем это все одновременно?

и это состояние — только представь на секундочку — действительно есть. мы наиболее уязвимы во сне. тогда, когда нас таковых вовсе не существует. ни тела, ни души, ни лица. когда мы — это только наши сновидения: приторно-сладкие с намеками на розоватую сказочность или удушающе-горькие с привкусом первобытного страха. именно они — это наш взгляд на мир без налета лицеме-

рия успокаивающих мыслей, наше внутреннее «я» и его состояние на определенный отрезок нашей жизни. так заумно звучит, да? а ведь все ну просто до смешного элементарно.

сны — это мир нашими глазами. только честный и до противного настоящий. в котором и за который нам не нужно оправдываться перед другими людьми. поэтому и видеть наши сны можем только мы сами — там, порой, вся грязь, вся подноготная, вся наша правда. даже та, о которой мы не хотим думать или вспоминать. даже та, от которой просыпаемся в слезах и с диким желанием стереть этот эпизод из памяти — тщательно, с мылом, чтобы в голове осталась пусть пустая зияющая дыра, но только не он.

теперь, я надеюсь, точно никому не расскажешь, верно? так вот. мне приснилась моя хорошая подруга. она со мной ходит за ручку почти с самого моего рождения.

мы удивительно похожи и в это же самое время абсолютно зеркальны друг другу, на самом деле. даже несмотря на то, что мы росли и менялись вместе. мы виделись в последний раз тогда, когда мне было пятнадцать — и на тот момент она уже с год красила израненные и сухие губы темно-бордовым, курила тоненькие сигареты с мятным холодком и красила жидкие волосы в серый. еще у нее на нездорово худых руках и ногах были шрамы. длинные такие. и она их, руша все стереотипы, и не стеснялась ни капельки — только кто-то осмеливался спросить об их происхождении, то смельчаку в ответ звучало будто смертельно усталое «оно тебе надо?» в эквиваленте нецензурной формы.

она была отчужденной в обществе незнакомцев, но искренне любила своих. правда, весьма странной любовью — она была у нее из крайности в крайность, как

и наши с ней отношения. я то ее ненавидела всей своей сущностью, била ее по рукам, ласково тянущимся ко мне, забивалась в угол, плакала навзрыд, чтобы она наконец исчезла из моей жизни, то любила до безумия — подползала к ее острым коленям и, как выброшенный на обочину дороги растерянный щенок, искала утешения, поддержки в ее вечно изможденном и полуосуждающем взгляде.

мне никогда не было с ней вправду хорошо, но уйти я никак не могла, сколько бы попыток не предпринимала. то ли сил не хватало, то ли душил страх ее больше не увидеть — не знаю. может, причиной стало то, что только ее объятия, словно распятие, всегда были раскрыты для меня. и когда я любила ее, и когда проклинала, на чем свет стоял.

звали ее Жемчуг. но об этом никто не должен узнать, помнишь?

— ты столько жизней проживаешь, волшебница, рассказывая мне свои сказки, — задумчиво говорит мне Даша, внимательно смотря мне прямо в глаза и будто бы стараясь в них отыскать что-то, что было бы неподвластно взгляду обычного человека, — неужели ты настолько проста и чиста, что у тебя есть лишь только твоя собственная?

я нервно сглатываю, чуть нагло глядя на нее в ответ и напряженно блокируя любые ее попытки считать меня изнутри. это слишком нечестно и даже хамовато, и пускай она хоть трижды мой уже близкий друг.

это, кажется, тот самый разговор, который я не хочу ни начинать, ни заканчивать. каким бы задушевным он не предстоял.

— все мы знаем, что существует рай, где живут белоснежные души безгрешных покойных и полная ему противоположность — ад, где беспрерывно горят выжженные искушениями и страстями сердца мертвых грешников. но, более того, в обоих местах живут не только души, но и помощники Бога и Дьявола — ангелы и демоны. издавна между ними велась страшная борьба — вечные набеги демонов не давали ангелам спокойной жизни. многие ангелы были истреблены давно проверенным путем — демоны отрезали своим противникам крылья, и ангелы, теряя веру в себя и свои силы, погибали от глубокой тоски.

однажды одного прекрасного молодого ангела послали на Землю, чтобы оберегать людей. это была девушка, и она ходила среди своих подопечных совсем неузнанной, ведь единственное, что отличало ее от них — это огромные крылья цвета первого снега, которые она прятала каждый раз, когда выходила на оживленные улицы.

она была чистой, наивной и искренней. она по-настоящему любила людей и всеми силами старалась помочь им в любой беде, и это получалось у нее замечательно — в своем городе она слыла кудесницей, умеющей решить любую проблему и готовой протянуть руку помощи любому, кто только попросит.

одновременно с ангелом к людям отправили и одного из беспощадного клана демонов. его задача была полностью противоположной миссии девушки — он должен был насылать на человеческий род беды, лишения и катастрофы. нужно признать, на горе людей, с ней он справлялся очень хорошо — засухи, страшные ураганы мучили тот же город, в котором жила и ангел.

однажды ангел и демон встретились лицом к лицу, и демон, будучи невероятно хитрым и коварным, решил влюбить в себя ангела, чтобы достичь одной важной для его клана цели.

он очаровал ее, открыто пользуясь ее добротой и наивностью, да так, что девушка даже ничего не заподозрила. конечно, она знала, что такие союзы на небесах запрещены, но она верила своему возлюбленному и была готова на все — только бы навсегда остаться с демоном рядом.

и вот, когда они вместе наблюдали закат, демон приобнял ангела, шепча ей на ухо ласковые слова о том, что их любовь вечна. девушка была невероятно счастлива, и тут...

страшная боль пронзила ее тело и полностью украла дыхание. она выгнулась, выскальзывая из смертоносных объятий и оглушительно закричала.

из ее спины капала алая кровь, а огромные белые крылья в ее пятнах лежали прямо позади нее.

демон, усмехнувшись и вытерев кровь с ножа о ее платье, молча ушел, оставив ее одну. он был уверен, что скоро девушка погибнет, а его народ будет славить его храбрый поступок. кто знает, может, он даже станет приближенным самого Дьявола...

шли часы. ангел лежала, не двигаясь и истекая кровью. силы ее были на исходе, а из глаз все градом текли и текли слезы. кажется, больше ничто не могло спасти ее — ведь и ее тело, и ее душа полностью искалечены, но...

но она вспомнила о том, что жизнь ей была дана для того, чтобы бороться. чтобы встать и пойти дальше даже после самого страшного. вперед. не оглядываясь. и ни на кого не надеясь, ведь единственный, кто может нам помочь — это только мы сами.

и поэтому она, собрав всю волю в кулак, встала и побрела в небеса. там ее, измученную и изувеченную, вылечили и помогли вновь встать на ноги. девушка, казалось, после этого ужасного события стала еще сильнее, еще увереннее и еще милосерднее, хоть и через долгое время.

она спасла себя сама.

это был первый случай, когда ангел выжил без крыльев.

как ты думаешь, кто мне приснился сегодня ночью?

сказка о злой королеве. сонечка

давно я, кажется, не рассказывала о том, как на моих глазах в который раз преображается мой дорогой город на Неве, суматошно готовясь к встрече нового времени года. с момента наблюдения на крыше кроваво-алого заката и сентиментальной сказки о влюбленном рыцаре прошло немало времени — постепенно розовощекое лето в желтом ситцевом платьице с ее красно-зеленоватой палитрой удалялось от Петербурга, печально улыбнувшись и пообещав, несомненно, вскоре вернуться. зная ее недолюбовь к нашим дождливым краям, я лишь усмехнулась и пожала плечами в ответ на ее сладкую и отдающую фальшью фразу — обещает ведь каждый год, а иногда даже бессовестно обделяет своим драгоценным вниманием мое любимое обиталище. каплю обидно. то есть, совсем не каплю — целый ливень почти каждый августовский день.

поэтому, как и ожидалось, август пришел в гости не с прощальными лучиками тепла, а ледяными дождями, пробиравшими мурашками до костей даже в самом теплом свитере. неохотно натягивая красное драповое пальто столь рано, я ругалась про себя от обиды и досады — ну неужели тебе, легкомысленное ты лето, так тяжело и невыносимо сложно хоть на пару неделек у нас задержаться и дать окончательно надышаться солнечной пылью, запахами цветущей листвы и теплой сыростью летнего грибного дождика? — и все равно выбегала из уютного дома на встречи с издателями-читателями-бездомными котами, почти всегда, по иронии судьбы и по причине своей вечной рассеянности, забывая свой зонтик-трость. приходилось сбивать ноги и дыхание, пе-

репрыгивать лужи, нередко полностью вымочив ноги, и мчаться, бежать, спешить, не видя ничего вокруг.

снова будни. снова работа, а вместе с работой — любимый друг по имени прокрастинация. и Даша больно давно не приходила. стоп. я что, соскучилась?

влетаю на сцену, еле успев по пути снять верхнюю одежду, приветливо улыбаюсь аудитории, слыша такие важные для каждого творческого человека овации.

— я готова представить вам мой новый сборник стихов, — одергиваю длинный изумрудный свитер, словно извиняясь, — хоть я, возможно, сегодня не слишком леди для такого важного мероприятия.

а вот здесь мы немного притормозим.

леди. в мои школьные годы для меня именно ею бесспорно являлась одна весьма занимательная девочка. звали ее Сонечка.

помнишь, я рассказывала тебе о моей очаровательной Ляле и незабываемом пребывании в компании элиты выпускников? Сонечка была одной из, на мое глубочайшее удивление, ее самых запоминающихся выходцев. почему на удивление? она была какой-то совсем другой на ее пестром полусмазанном фоне. несмотря на свою такую несвойственную старшеклассникам бесконфликтность и непримечательность характера, она всегда умудрялась каким-то образом выделяться. ни поведением, ни заслугами, ни связями, нет. это был первый человек в моей жизни, который притягивал взгляды своей манерностью и умением держать себя.

в первую очередь необходимо заметить, что Сонечка была потрясающе красива. густые волосы смоляно-чер-

ного цвета, стриженые под небрежное каре, надменно-задумчивый взгляд невероятно чистых голубых глаз, немного даже кукольное личико. на моей памяти на нем не было ни одного изъяна, ни одной погрешности природы, словно ее красота была идеально выверена формулами точных наук. идеально ровная спина, великолепные манеры, плавная кошачья походка даже когда опоздание на урок гораздо больше пяти минут. она очень редко улыбалась и смеялась, но если когда-то и делала это, то непременно с царской величественностью. неприменимо к проявлению счастья человека? возможно, но именно такой она и была для меня, к сожалению или к счастью.

— Сонечка, смотри, я своровала тебе порцию, — подмигивала Ляля, солнечно улыбаясь.

— ох, спасибо, Ляля, — отвечала Сонечка, чуть приподняв уголок пухлых губ в подобии улыбки, — но я не хочу, я на диете.

а я... а я вообще боялась с ней даже заговорить. нет, я не завидовала, не ненавидела, не мечтала быть похожей на нее и не испытывала что-то вроде благоговейного трепета перед ее поистине августейшей личностью. просто в ее обществе я — уверена, что не одна я — почему-то чувствовала себя крестьянкой-простушкой на аудиенции у величественной монаршей особы.

она представлялась мне той самой королевой. может быть даже злой, но все же королевой из вечных сказок Андерсена[1].

красная королева Сонечка в прекрасном алом бархатном платье и с холодным взглядом голубоватых льдинок-

[1] — Андерсен Х. К. — датский прозаик и поэт, автор всемирно известных сказок для детей и взрослых.

глаз.

— и снова я у тебя, — практически смеется моя рыжая Дарья, неуклюже снимая аккуратные ботиночки на каблуке в темной прихожей, — если честно, не приходила потому, что не верила. не верила, что у меня появился человек, способный лечить мою бессонницу.

вопросительно улыбаюсь, чуть склонив голову. и многое же я успела пропустить, однако!

— понятно, Саш, — хохочет гостья, — этот человек — это ты.

— не могу сказать, что очень-преочень давно, — решаю я начать очередную сказку иначе, чем моментально вызываю недоумение Даши.

— все сказки начинаются как раз с того, что очень-преочень давно, — она протестует, раздраженно фыркая.

обреченно вздыхаю.

— так вот. не так давно жила в некотором холодном королевстве злая королева. она правила в нем с самого дня смерти своих родителей. было у нее, как и водится, три чудесных дочери — две родных и одна падчерица от нынешнего брака.

была злая королева удивительно бесчувственна и жестока. даже не знаю, на самом деле, за что полюбил эту особу ее муж — за фиолетовый плащ или золотую корону на голове — но любить ее было решительно не за что.

своих дочерей она растила в строгости, но часто баловала дорогими подарками. она мечтала удачно выдать их замуж и не особо заботилась о том, будет ли иметь место любовь в их союзах с богатыми избранниками. именно поэтому женихи двух дочерей были определены с самого их рождения. дочерям оставалось лишь тихо и кротко дожидаться своих пышных, но фальшивых свадеб, на кото-

рых ни одна из невест не будет по-настоящему счастлива.

мужа своего она не любила и вышла замуж только из-за того, что негоже было ей одной своей страной править — непрезентабельно и противоречит моральным законам. она выбрала его чуть ли не по считалочке на балу в честь своего n-ого дня рождения. тогда, когда тянуть больше было просто некуда.

и, как можно было догадаться, падчерицу она свою и вовсе ненавидела. не потому что она была ей не по нраву, нет. просто так полагалось во всех сказках — мачеха обязана не любить свою падчерицу, и точка. она нагружала ее всяческой тяжелой работой по дому, иногда даже покрикивала и наказывала бедную девушку, но той будто было все нипочем.

будто падчерица знала что-то, что могло поменять ситуацию в корне.

однажды девушка, усердно вымывая полы в гардеробной двух дочерей, стала случайным свидетелем их судьбоносного разговора.

— тихо, — говорила одна из них совершенно ровным голосом, не выражающим абсолютно никаких чувств, — сейчас скажу тебе, что прочитала в дневнике у матушки. оказалось, что не всегда она была такая вредная и строгая. ее родители совсем-совсем ее не любили. и в ее дневнике описывается все-все-все. а прерывается он знаешь на чем?

— на чем? — еле сдерживаясь, чтобы не вскрикнуть от нетерпения, вопрошала вторая дочь.

— на том, что она будто почувствовала в своем сердце кусочек льда и больше не способна так же ярко испытывать эмоции, как раньше.

— но мы ничего делать не будем! мы же стольких привилегий можем лишиться, если его растопить...

и тут поняла падчерица, как мучается бедная злая королева. бросив все тряпки и ведра, она что есть мочи по-

бежала в тронную залу, ни капли не волнуясь о том, что в данный момент у мачехи шла аудиенция.

конечно, она нашла ее именно там. она восседала на своем прекрасном троне, столь же восхитительная и холодная, как лунный свет.

— увести ее, — железным тоном ответила королева на слезные просьбы одной из подданных о принятии ее сына в королевские подмастерья. женщина просто не имела возможности его прокормить.

— чего тебе? — завидев падчерицу, продолжила она.

вместо слов девушка лишь подошла к своей мачехе и крепко-крепко прижала ее к себе. она чувствовала кожей, как постепенно тает лед, со временем охвативший все сердце женщины и обнимала ее еще крепче, вкладывая в это объятие столько любви и нежности, сколько только было в ее чистой душе.

и как изменилась злая королева со временем после этого объятия! теперь ее и невозможно было назвать злой — ее сердце и впрямь оттаяло, давая нежным чувствам снова жить. она полюбила своего мужа, падчерицу и дочерей, полюбила своих подданных и свое королевство. все вместе они жили долго и счастливо.

чего нам стоит протянуть руку злому и жестокому? ничего. а чем она может стать злому и жестокому?

порой тем, что растопит ледники в самых глубинах души.

сказка о самоотверженной охотнице. люпин

мы ведь с тобой почти друзья, да? не зря же ты мою книжку читаешь! так вот. давай тогда, что ли, познакомимся ближе, узнаем друг друга получше. поговорим о чем-то не слишком важном и обременительном. не о погоде, не о литературе, не об искусстве. это все слишком по-светски — мы же не на совещании по работе. так что... давай, например, о котиках. нет? ну ладно-ладно, в таком случае, я задаю всякие случайные вопросы, а ты с полной серьезностью и честностью на них отвечаешь. договорились?

вот я сразу и придумала. а какие ты любишь цветы?

я люблю все-все-все. еще бы, они ведь все такие разные, и, что самое удивительное и восхитительное — каждый абсолютно по-своему. прямо как люди. очень жаль, что не все это понимают. а еще я особенно люблю ездить в самый разгар лета в путешествие за ними. еду, куда только глядят глаза и куда поворачивает автобус, а по прибытии бегаю по траве босиком в азартном поиске особых экземпляров. это даже немножко похоже на прятки — и где спряталась от моего внимательного взора очередная пестрая прелесть?

через достаточно долгое время — промозглой осенью или потрескивающей морозом зимой — достаю толстенные книжки, в которых скрываются мои яркие закладки с уже идеально-гладкими чуть поблекшими лепестками. мое личное воспоминание о душных умиротворенных летних вечерах, когда небо такое необыкновенно светлое, воздух так сильно пахнет солнцем и чуть выгорев-

шими травами, а любимый человек молчит рядом и лишь сильнее сжимает твою ладонь теплыми сухими пальцами. хочешь потрогать вместе со мной? только пожалуйста, будь аккуратнее. они такие же хрупкие, как и души тех, кого ты любишь.

а однажды путем своего цветочного автостопа я нашла место, которое очень дорого моей душе. слушай и записывай, может, когда-нибудь там с тобой встретимся.

— куда едем? — с сильным грузинским акцентом спрашивает меня пожилой водитель в светлой фуражке, хмуря густые черные брови будто по привычке и чуть ухмыляясь.

— если знаете место, где растет много-много бесплатных цветов, то именно туда, — неуклюже размещаюсь на заднем кресле со своей огромной корзиной, когда-то подаренной мне бабушкой.

— о, знаю-знаю, — тон у мужчины кардинально меняется, а его испещренное морщинками лицо озаряет какая-то необыкновенно уютная улыбка, от которой на душе становится тепло-тепло и хочется проснуться в далеком детстве в своей кровати, которая все еще кажется такой необъятно большой, — повезу тебя на поле люпинов, ну или волчьих цветов. красота неописуемая. ты такого и во снах не видела, говорю тебе.

помню, тогда я чуть насмешливо фыркнула в ответ. а оказалось, что правда никогда в своей жизни не видела, а уж во снах тем более.

стоит ли рассказывать о том, какая невероятная картина развернулась перед моим полностью обескураженным взглядом? огромное поле сиреневатых и насыщенно-фиолетовых высоких цветов, утопающих в пудрово-

розовых волнах заката и золотистых солнечных бликах. на минуту я остановилась, словно громом пораженная. меня волновал лишь один вопрос — неужели все это великолепие могла создать природа, а не, как привычно каждому жителю нашей планеты, человеческий разум?

— красиво, да? — заговорщицким шепотом спрашивает мой водитель, с полугрустной и даже будто ностальгической улыбкой озирая удивительный островок, от яркости и пестроты которого чуть рябит в глазах, — и моя жена тоже любила так любоваться. привозил ее сюда часто. теперь привожу дочку. она так на нее похожа, прямо одно лицо...

он прерывает свой монолог и тяжело вздыхает. прощается и, словно на подкашивающихся ногах, бредет к своей старенькой «девятке» — провожаю его взглядом и прошу у судьбы, чтобы не обделила своей добротой его семью.

— я устал, хочу любви[1], — беззаботно напевает моя полуночная гостья, поглаживая Котангенса, нагло выпрашивающего кусочек ее кремового торта, — слушай, а ведь правда хочу. чтобы искренней, вечной, светлой, настоящей. и с жертвами, конечно. какая любовь без жертв, — ее фраза звучит до смешного двусмысленно, — устроишь, м?

— конечно устрою. а глаза лучше закрой, четче представляться будет.

Котангенс возмущенно мурчит. лампа на письменном

[1] — строчка из песни Quest Pistols «Я устал».

столе тихо потрескивает.

— давно-давно, когда люди еще верили в страшных существ из различных ветхих легенд и приданий, жила на свете одна храбрая охотница. ее деревня находилась глубоко-глубоко в изумрудных непроходимых зарослях лесов, в которых, конечно, водились ужасные и кровожадные звери и птицы. жители поселения, зная об их существовании, раз в год забирали одного ребенка из наиболее зажиточных семей на обучение мастерству охоты, чтобы отражать атаки леденящих кровь монстров на деревню. с наступлением темноты мало кто решался выходить на улицу — с появлением первых звезд на темном небосклоне дверь каждого дома была уже закрыта, факелы в каждом дворе зажжены, а обученные охотники стояли около ворот деревни, старательно охраняя жизни народа.

но вот в поселении случилась беда — один за одним начали пропадать люди, выходившие за пределы ограждения деревни. вскоре начали находить их истерзанные тела. охотники определили, что за этим делом стоит явно не простой лесной зверь вроде медведя — их догадки гласили о том, что в лесах появился огромный волк, пожирающий все, что попадается на его пути.

конечно, старейшина деревни сразу приказал охотникам выйти в леса и покончить с убийцей. как одна из самых талантливых и способных учениц, охотница отправилась в леса одной из первых.

долго не возвращались охотники из лесу, а когда все же прибыли домой, то рассказали об огромных потерях — волк погубил как минимум половину отряда. решили в деревне во много раз усилить безопасность, оплакать погибших и пока не отправлять новый отряд, ведь многие были уверены, что и он обречен на смерть.

охотницу тоже посчитали погибшей, но она была жи-

ва. долго бродила она по лесу, сбившись с пути, и вот однажды встретилась лицом к лицу с причиной бед своего народа.

перед ней стоял неестественно огромный зверь с густой черной шерстью и сверкающими желтыми глазами, в которых будто теплился огонек человеческой жизни. охотница, собравшись с силами, выстрелила из своего безупречного лука прямо в его сердце... и увидела перед своими глазами прекрасного юношу со страшной раной в груди.

бросилась она к нему, вынула стрелу и принялась судорожно обрабатывать рану. удивительно, но кровь юноши была не алой, как у человека, а светло-синей. она держала на своих руках настоящего оборотня, спасая его от смерти.

она донесла его до ближайшей поляны и выхаживала день и ночь. вскоре он, очнувшись, рассказал ей историю о том, как его, простого лесника, укусил волк и он, выжив, стал оборотнем. стрела охотницы вернула его человеческий разум, из-за отсутствия которого в теле зверя он беспощадно убивал людей ее народа. никто до нее даже не сумел ранить его.

вскоре молодая охотница и юноша без памяти влюбились друг в друга. юноша в облике зверя прекратил нападать на людей, из-за чего ее жители забыли страшную историю о кровожадном волке. шли годы — самые счастливые годы для нее и для него.

но однажды на их обиталище, которое, казалось, никто не сумеет отыскать, случайно наткнулись охотники, обыскивающие лес. юноша, обернувшийся волком, грозно зарычал на них, но вот они кинулись на него. с каждым вздохом его силы иссякали, хоть и охотница была рядом и орудовала своим луком так же мастерски, как и несколько лет назад.

и вот один из охотников подбежал совсем близко

и уже готовился ударить своим мечом прямо в израненное сердце волка, как...

его своей спиной закрыла охотница. сталь меча прошла сквозь ее хрупкое тело, но все равно вонзилась в сердце юноши. из-за новой раны он вновь принял человеческий облик.

лицом к лицу юноша и девушка, пронзенные мечом, отдали друг другу свой последний вздох и упали на траву замертво. их кровь, голубая, как утреннее небо у оборотня и красная, как зарево рассвета у охотницы, смешалась. на глазах охотников на земле между убитыми влюбленными из их смешавшейся крови вдруг появился темно-фиолетовый высокий цветок необыкновенной красоты.

молва об этом необыкновенном случае разнеслась не только по деревне, но и по всему королевству. с тех пор прекрасный цветок, разросшийся по нему, начали звать волчьим в честь невероятной любви охотницы и волка.

люпин — мой самый любимый цветок. а какой твой?

сказка об одинокой звезде. ты знаешь

я знаю, что в этой книге писали обо мне.

да-да, я прекрасно понимаю, что заглядывать в любые чужие рукописи — абсолютное хамство, аморальность и все такое, но ситуация тут немножко иная. я, на минуточку, один из их главных героев. так что мне можно. если считаешь иначе — считай, мне все равно — ах, как жаль — наплевать.

если ты до сих пор меня не узнал, что весьма удивительно для меня, то вещает Дарья, полуночная гостья одной уже достаточно хорошо известной тебе волшебницы. я не могу похвастаться своим красноречием или обилием в моей речи ярких средств выразительности, как это из сказки в сказку делает Саша, но я тут, чтобы рассказать тебе информацию, которая может очень помочь тебе в будущем. так что, пока я все еще на страничках этой книги, советую внимательно слушать и наматывать на ус.

мы все рано или поздно меняемся. не буду делать эту фразу вопросительной, потому что моя правота просто очевидна. человека, который всю свою жизнь остается одним и тем же, и настоящим человеком-то не назовешь. изменения — это всегда двигатель, хоть и главным вопросом всегда является его направление. если человек, не шевелясь, стоит на одном месте, то он уже ну просто растение какое-то, не иначе.

а что такое изменения, собственно, и с чем их едят? откуда они вообще появляются? от окружающих нас лю-

дей, без сомнений. точнее, даже не так — от людей, которым посчастливилось стать частью нашего извилистого пути. ты не можешь со мной не согласиться в одном суждении: человек — это лоскутное одеяло. лоскутное одеяло, каждый обрывок ткани которого — часть души того, кто был какое-то время рядом. почему какое-то время?

да потому что на планете Земля ничто не вечно. это ее самое большое преимущество и, в то же самое время, самое большое проклятие. может, когда-нибудь я изменю свое мнение. может, мне кто-то когда-то докажет обратное, но пока я отчаянно отказываюсь верить в слово «навсегда».

мы все — эти самые лоскутные одеяла. новые и старые, идеально сшитые и почти полностью изодранные. каждый из нас сам должен выбирать, каким ему быть. делать это за нас никто не имеет права.

а вот влиять на нас — это неотъемлемая задача каждого человека в наших жизнях, вольная или невольная. и я не говорю сейчас о том, что нужно эту их цель всеми силами отторгать, нет. влияние нужно с умом фильтровать, чтобы суметь построить из себя настоящую личность, а не какую-нибудь соплю, которая расклеится при малейшем несчастье или малюсенький камешек на огромной дороге судьбы, которого нещадно пинают люди, сумевшие себя воздвигнуть с нуля. а если, следовательно, фильтровать — то выбирать тех, которые не только будут приносить в твою жизнь то самое «разумное, доброе, вечное», но и будут готовы остаться с тобой хотя бы до следующего конца света.

так что это, дорогуша, просто мазохизм какой-то — идти по своему пути с людьми, которые ничего не могут тебе дать, кроме банального опыта. да, звучит грубо, эгоистично и вообще как-то очень фу, но это рецепт счастливой жизни. ты же любишь и уважаешь свое прекрас-

ное эго? тогда уж будь добр, ну или добра — откуда мне знать, кто ты? — брать в свое лоскутное одеяло самое восхитительное тряпье чужих душ.

ах да, и еще. люди осуждали, осуждают и будут осуждать все, что существует. так что меняйся разумно для себя, еще для себя и, естественно, для себя. а к другим — смелее поворачивайся спиной и ни о чем не думай.

(нужно поворачиваться и другим тоже, но тут точно цензура, да и я, знаешь ли, девочка приличная)

— в каком смысле ты? — непонимающе хлопает глазами моя волшебница, — ты же, вроде как, консерватор...

— садись уже и закрывай глаза, — я нетерпеливо ерзаю на ее кресле, ехидно улыбаясь и готовясь примерить на себя неповторимую роль сказочницы, — мне ужасно любопытно узнать, каково это — спасать чужой сон.

— совсем недавно, — начинаю с непривычного, как-то боязливо морщась, — совсем недавно на темных ночных небесах родилась самая простая звезда, каких в необъятной и сверкающей всеми цветами радуги галактике миллионы и миллиарды.

она не была каким-то исключением из правил, чем-то экстраординарным или хотя бы тем, о чем стоит рассказывать в сказках на ночь. она была абсолютно обыкновенной, ничем не примечательной. на нее не обращали никакого внимания астрологи, в лучшем случае считая ее частью какого-нибудь пресловутого созвездия. она не была приметна своим сородичам, однако, когда все звезды изредка собирались вместе в то самое обычное созвездие, ей из-за своей примитивности не оставалось ничего, кроме как приукрашивать себя.

— знаете, я освещаю путь самым отважным моря-

кам, — иной раз хвалилась она, в доказательство подсвечивая тусклую туманность своим слабым огоньком, — и парам, чья любовь будет вечной. вот такая я необыкновенная!

остальные звезды хоть и слушали ее, но вполуха, с неохотой, а порой даже ни капельки не веря ее рассказам, что было, на самом-то деле, правильным решением.

вскоре они и вовсе перестали звать ее в свои созвездия. простая звезда осталась совсем одна. был одинок ее свет, а потом и совсем погас, хоть и звезда не потухла окончательно. поняв, что она совершенно никому не нужна и без ее свечения во вселенной вряд ли хоть что-то изменится, она сжалась и перестала светить вовсе.

как раз в это же время в космосе, прямо в этой самой туманности внезапно появился космонавт. ну, как внезапно — просто полетел изучать какую-то планету и по всяким межпланетным делам.

и вдруг увидел в туманности маленькую точку. это была та самая обычная звезда.

почему-то он сразу понял, почему звездочка не светит — может, просто потому, что сам был так же одинок. и он решил помочь этой звезде вновь стать собой и светить, светить, светить. даже если это никому не будет нужным. он, сидя в своем огромном космическом корабле, начал читать ей чудесные сказки, ласково разговаривать с ней и расспрашивать обо всем на свете. то есть, в галактике. а звезда, сначала не веря тому, что она стала кому-то нужна, внимательно слушала и тихонько отвечала космонавту, ведя с ним долгие задушевные разговоры по ночам.

но вот пришлось космонавту собираться на Землю. он прочитал своей звезде последнюю сказку, и, чуть замявшись, сказал ей очень важные слова.

— ты мне очень дорога, звездочка. свети, пожалуйста, вновь. а я совсем скоро вернусь и вновь буду читать тебе

всякие глупые сказки, договорились?

и улетел далеко-далеко. так, что даже звезда со своего небосклона не могла его видеть.

вновь стало грустно и пусто на душе у звездочки. но тут вспомнила она слова космонавта, вспомнила, как он заметил ее, маленькую, среди миллионов ее блестящих знакомых и почувствовала в своей душе небывалый свет.

и вдруг она засветилась. и не просто засветилась, а загорелась огнем, осветила всю свою огромную туманность, которая от ее сверкания заиграла миллиардами огней. она затмила все звезды на ночном небе. а из-за чего?

из-за того, что знала, для кого она светит.

и космонавт, свежей прохладной ночью вышедший на улицу, ни капли не усомнился в том, что ярче всех горит на темном небосклоне именно его звезда. та, которой он вернул себя.

которая горит для всех, но прекраснее всего — лишь для него.

я заканчиваю свой рассказ. Саша в кресле дремлет с легкой улыбкой на сиреневатых от холода губах. накрываю ее своим пледом в зеленую клетку и пишу записку:

«завтра приду днем. вместе приготовим яблочный штрудель.

p.s. я нашла ту, благодаря которой загорелась с новой силой.»

на следующий день вынимаю из кармана смятый листок, пахнущий чабрецом и кофе:

«и я
тоже»

26. 05. 2017 — 22. 07. 2018

благодарности

эта книга — то самое, чего я ждала всю свою писательскую жизнь, наверное. первый мой действительно серьезный проект, замысел, который, кажется, был со мной всю жизнь — и вот уже в твоих руках. ему было отдано очень много времени и сил, поэтому я очень надеюсь, что она станет для тебя тем, в чем ты найдешь не только мою, но и свою душу, мой дорогой.

но серьезный проект потому и серьезный проект, ведь его публикация — заслуга самых прекрасных на свете людей. поэтому на этих страницах я хочу поблагодарить всех, кто был причастен к созданию «звезд в твоих рукавах», которые ты, надеюсь, нашел с помощью этой книги.

в первую очередь, очень хочу поблагодарить всех людей, ставших прообразами героев этой книги — на минуточку, целых шесть сказок были написаны под вдохновением от этих удивительных людей! поименно называть не буду, да и уверена, что они обязательно себя узнают — на то они и удивительные и восхитительные. теперь вы в этой книжке навсегда, такие дела. надеюсь, вы меня за это не побьете, да?

отдельное огромное и горячее спасибо хочется сказать моей дорогой Полине — чудо, ты феноменальная! это человек, который мужественно выдерживал все мои «хочухочухочу» и ни капли не сердился, когда я в три ночи стучалась в личные сообщения с беззаботным «приветульки, а когда там иллюстрации?». за это ей стоит поставить памятник. прелесть, благодарю судьбу за такую невероятную удачу — работа с тобой была не работой,

а сплошным малиновым вареньем. крепко обнимаю и держу пальчики, что это еще не последнее наше общее детище.

я никогда не перестану благодарить своих родителей за каждую мою книгу. вот эти самые люди, вот эти два человека относятся ко мне и моему творчеству, кажется, трепетнее всего на свете. мам, пап, каждая строчка — только ваша заслуга. спасибо, что понимаете мои эмоции в два ночи, когда я только расписываюсь и не ругаетесь, когда ложусь с рассветом. спасибо, что слушаете вечерами о моих сумасшедших идеях, которые мы затем вместе воплощаем в жизнь. вы — самые лучшие родители на свете. я безумно счастлива, что моя душа при рождении выбрала именно вас.

а теперь очень личное. закрой глазки и не читай, ладно? шучу, конечно. сейчас напишу самому близкому и можешь открывать.

солнышко, спасибо тебе за то, что ты рядом и за то, что у меня есть силы, есть вдохновение не только писать, но и жить, ведь это все именно ты. эта книга была написана благодаря тебе. спасибо за твои советы, твое мнение, твою редактуру и твой вклад в эту книгу, потому что его просто невозможно переоценить. не отрицай, ты и сам об этом знаешь. мы оба знаем. знаем и то, как будем использовать эти сказки в будущем. а пока нашими сердцами владеет слово «сейчас» — я люблю тебя.

моя дорогая Дарья, которая уже совсем-совсем не та рыжая из книжки, написавшая мне пару лет назад. мы вместе с тобой уже не те Саша и Даша, и мы прошли этот этап вместе, как и все последующие. моя родная, спасибо тебе за то, что живешь на страничках этой книги вместе со мной и нашей историей. спасибо тебе за то, что

вдохновляешь. спасибо тебе за то, что всегда веришь в меня, несмотря ни на что. спасибо тебе за то, что наша красная нить никогда не рвется.

как думаешь, кому я скажу финальное «спасибо», дорогой?

конечно тебе. тому, кто держит сейчас в руках эту книгу,

а в рукавах —
звезды.

Оглавление

сказка о волшебном эликсире. полуночная незнакомка 5
сказка о непокорной принцессе. шошанна 12
сказка о лунном камне. мальчик с мечтой о космосе 20
сказка о доброй ведьме. бариста по имени александра 27
сказка о таинственной маске. манжеты варежек 33
сказка о рыжей фонарщице. ляля 40
сказка об очаровательной разбойнице. море 47
сказка о юном птичнике. февральские голуби 54
сказка о несчастном драконе. кармен 60
сказка о влюбленном рыцаре. кровавые закаты 66
сказка о милосердной смерти. фраза из детства 73
сказка о бескрылом ангеле. жемчуг 80
сказка о злой королеве. сонечка 86
сказка о самоотверженной охотнице. люпин 93
сказка об одинокой звезде. ты знаешь 100
благодарности 107

Саша Невская

Звезды в твоих рукавах

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

саша невская — юная влюбленная душа из далекой Сибири. ее друзья думают, что она влюблена в мальчика, ее мальчик думает, что она влюблена в город на Неве, ее R думает, что она влюблена в себя. саша их не разочаровывает, в душе выкуривает тонкую сигарету и ставит нотку над своей подписью. саша влюблена в жизнь.

она открывает окно и садится на подоконник, свешивая ноги на улицу. в белых руках дымится (не) слишком приторный кофе, приятный утренний аромат разносится по узкой питерской улочке. пока о босые ноги не бьются волны человеческой жизни, она сжимает в пальчиках песчаные крупицы чужого счастья и продолжает всматриваться в подъезды и окна.
под ее кроватью рукописные сказки ждут своего часа. они ждут, когда их в полной темноте будут рассказывать и, затаив дыхание, слушать.

ISBN 978-5-4493-4772-5

Rideró

Rideró.ru — издай книгу бесплатно!